

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

Vědecký a praktický časopis

FILOLOGICKÉ VĚDOMOSTI

№ 2 2017

ZAKLADATEL:
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.

Šéfredaktorka – prof. **Irina S. Karabulatova**, Ph.D. (profesor v oboru filologie)

Mezinárodní redakční rada

doc. **Zoya N. Afinskaya**, CSc. (docent v oboru filologie – Moskva, Rusko)
prof. **Zohidjon M. Islamov**, Ph.D. (Tashkent, Uzbekistan)
prof. **Svetlana V. Kezina**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Penza, Rusko)
prof. **Irina V. Moklecova**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Moskva, Rusko)
prof. **Vasilij V. Lipič**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Belgorod, Rusko)
prof. **Albina M. Sayapova**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Kazan, Rusko)
prof. **Elena N. Serdobinceva**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Penza, Rusko)

Časopis je indexován podle:

- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- CrossRef (USA)

Impact Factor:

- Scientific Indexing Services – 0,742

ISSN 2464-6768
MK ČR E 22429

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2017

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

Scientific and practical journal

PHILOLOGICAL KNOWLEDGES

№ 2 2017

THE FOUNDER:
The science publishing centre «Sociosphere-CZ»

Editor-in-Chief – Doctor of Philological Sciences, professor
Irina S. Karabulatova

International editorial board

Zoya N. Afinskaya, Candidate of Philological Sciences, assistant professor (Moscow, Russia)

Zohidjon M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan)

Svetlana V. Kezina, Doctor of Philological Sciences, professor (Penza, Russia)

Irina V. Mokletsova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)

Vasiliy V. Lipich, Doctor of Philological Sciences, professor (Belgorod, Russia)

Albina M. Sayapova, Doctor of Philological Sciences, professor (Kazan, Russia)

Elena N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Penza, Russia)

The journal is indexed by:

- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- CrossRef (USA)

Impact Factor:

- Scientific Indexing Services – 0,742

ISSN 2464-6768
MK ČR E 22429

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2017.

OBSAH

LINGVISTIKA A INTERKULTURNÍ KOMUNIKACE

Agayeva S. Structure and components of the Concept of 'Education'	9
Jafar-zadeh V. N. The actuality function of the Particle within the Text.....	17
Арипов З. Т. Об особенностях образования музыковедческой терминологии в классическом арабском языке	23
Бибилова А. А. К вопросу об интонационной реализации сложноподчиненного предложения и предложения с прямой речью в национальных вариантах английского языка	30
Игнатъева О. И., Анищук Т. В. Художественный текст на иностранном языке как носитель иноязычной культуры	37
Шигуров В. В. Экспликация зоны ядра вводно-модальных слов с семантикой проблематической достоверности на шкале модалагии кратких прилагательных, предикативов и наречий	43

LITERATURA A FOLKLÓR

Khitarova T. A., Khitarova E. G. The archetype Water in some folklore narrations	51
Магомедова А. Н., Алибекова Л. М. «Эффект ореола» в произведении Джейн Остен «Гордость и предубеждение»	55
Назметдинова И. С., Костромитина М. А. Особенности использования синтаксических конструкций в переводах сказки Шарля Перро «Кот в сапогах»	59

Пашкуров А. Н., Темирбулатова А. Ш.	
М. Н. Муравьев как читатель-исследователь древнерусской истории	65
Фатеева Ю. Г.	
Проза врачей и о врачах как материал филологического исследования.....	75

METODY VÝUKY FILOLOGICKÝCH VĚD

Нуруллина Г. М.	
К вопросу о роли интереса в обучении русскому языку	81
Rules for authors	85
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2017 году	87
Информация о научных журналах	88
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	89

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

- Agayeva S.**
Structure and components of the Concept of 'Education' 9
- Jafar-zadeh V. N.**
The actuality function of the Particle within the Text..... 17
- Aripov Z. T.**
On the peculiarities of education of musicological terminology in a classical Arabic language 23
- Bibikova A. A.**
Study on the intonation of complex sentences and direct speech in national varieties of English 30
- Ignatieva O. I., T. V. Anishchuk**
Artistic text in foreign language as a basis of foreign culture..... 37
- Shigurov V. V.**
Explication of the core zone of introductory modal words with the semantics of the problematic of authenticity on the scale of modulyatsii short adjectives, and adverbs predicative 43

LITERATURE AND FOLKLORE

- Khitarova T. A., Khitarova E. G.**
The archetype Water in some folklore narrations 51
- Magomedova A. N., Alibekova L. M.**
«Halo-effect» in Jane Austin's book «Pride and prejudice» 55
- Nazmetdinova I. S., Kostromitina M. A.**
Features of use of syntactic structures in the translations of the tales by Charles Perrault «Puss in boots»..... 59
- Pashkurov A. N., Temirbulatova A. Sh.**
M. N. Muraviev as a reader and researcher of the old Russian history 65
- Fateeva J. G.**
Prose of doctors and about doctors as a material of philological research..... 75

METHODS OF TEACHING OF PHILOLOGICAL SCIENCES

Nurullina G. M.

Discussion about the role of interest in learning the Russian	81
Rules for authors.....	85
Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2017.....	87
Information about scientific journals	88
Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	89

UDC 81

DOI: 10.24045/fv.2017.2.1

STRUCTURE AND COMPONENTS
OF THE CONCEPT OF 'EDUCATION'

S. T. Agayeva

*Postgraduate
Azerbaijan State University
Baku, Azerbaijan*

Abstract. Concept is a cognitive phenomenon, manifested through its representatives. In order to reveal the structure of the concept, it is necessary to fully consider its representatives in various discourses and define the hierarchy of its components. The following structure of the concept is proposed: concept-subconcept-aspect-segment-feature. The comparative analysis of such a structure is conducted in the article on the example of the concept of 'Education'. The results of the comparative analysis give a ground to state that the same or similar concepts are not identical in different languages. And the concepts and their components of different levels have their specific features in every linguoculturological space.

Keywords: concept; concept sphere; education; aspect; sector; teaching; school.

As a concept is a cognitive phenomenon, we see only its representatives, which is possible mainly through a language. Therefore 'a language is an integral part of the person's cognitive activity. Along with being a specific achievement of a human mind, it (the language) embraces the system of mental knowledge connected with the entire cognitive system.' [1, p. 27]. The concept enters an object into the listeners' mind as an instrument of a complete superpersonal perception [3]. In understanding the concept, the researchers rely on general features

that differ the realis of any class from all others.

In order to understand the structure of the concept, let's hold a comparative analysis of the concept of 'Education' and its components – subconcepts, aspects, sectors and elements, consider and learn the semantic structure of their representatives and terms.

"Concepts are usually not the same in different languages and cultures, because in different languages they reflect the reality in different ways, with respect to different sides of the forming notion" [5, p. 46]. These are the peculiarities of various national

concept spheres. The same can refer to the concept of 'education', as a subject of our study.

The notion of 'education' embraces the notions of 'learning', 'training', 'education', 'enlightenment', 'literacy', 'knowledge', and 'science'. Though these notions are not synonyms in the truly grammatical sense, they are almost the same-level components of one concept. That is, though these components are not the same for their complexity and volume, they can be taken as equal and considered as single-level for their places within the main concept.

The concept of 'education' comprises such hyponyms as 'teaching', 'training', 'nurturing' and others, which we call subconcepts. Being relatively inferior to the concept, the units representing hyponyms of the

subconcept are called aspects. For example, the subconcept of 'teaching' includes such aspects as 'school', 'teacher', 'pupil', 'lesson', 'curriculum' and other units. The aspect of the 'school' shown first in this row includes such segments as 'primary school', 'secondary general school', 'high school', 'military school' and etc, which are the hyponyms in relation to 'school'. Let's, for example, take the 'high school' among these segments and try to find its hyponyms. These would be 'a student', 'a university', 'an academy' (denoting an educational establishment, for example, the aviation academy), an institute, a professor, an associate professor, a lecture hall (meaning the place of holding the lesson), a lesson, and etc. We call them elements, which can be distributed as shown in the table below:

Concept	Education
Subconcept	Teaching, training, upbringing
Aspect	School, teacher, schoolchild, lesson, textbook, curriculum...
Segment	High school, secondary school, vocational school, military school...
Feature	Professor, rector, associate professor, group, class monitor, lecture hall, lesson (means a time section), recess, last bell...

Certainly, it is impossible to embrace all elements of such a complex concept as 'education' in one table. All the same, this table allows to move in the right direction and to share one's thoughts.

As we see, the attempt to list the components of the concept of 'education' only in one line has led to appearance of a number of elements and the attempts for the complete definition and consideration of these ele-

ments (on all levels) will hardly be successful. This is related to the fact that all of the associations born by a definite concept within a single language or lingual culture are impossible to define in a complete and single-time mode, because culture develops and this development finds reflection in the language, as its carrier. As we can see from the definite example of the concept of 'education', serious changes have taken place in the concept sphere

of this concept in the Azerbaijani linguistic culture over the past years and these changes are directly tied to the reforms in educational system.

As for the components of the concept of 'education', they (subconcepts on the initial stage) represent the education concept more in definite meanings and less in some other cases, but all the same, though not clearly, they still remain connected to the main concept. This can be seen from the presence of mainly the same words in the definition of the concept and its components, and explanation of one component by means of others. In order to make our opinion clear, let's divide the lexical units related to education in the English-speaking cultures into the following thematic and cognitive blocks with respect to the conceptual logic and themantic belonging and view them as the aspects of the concept of 'education'.

1. Authorities regulating education (for example, board of trustees, Appointment committee (at a university or a college, University Grants Committee). Some of the notions indicated in this group have analogues in the Azerbaijan educational system (in most cases, partially). For example, the British Department of Education and Science manages education in schools and state libraries and coordinates the activity of local education authorities. We, in our country, have the analogue. In our educational system, there are notions corresponding to British: the Department of Education and Science functions in Azerbaijan under the name of the Azerbaijan Ministry of Education;

the Secretary of State for Education and Science, National Union of Teachers (is the largest union of teachers, mainly of primary schools and secondary modern schools).

2. Types of educational institutions and extra-training divisions (alternative school; aided schools – schools working on dotations (refer to schools called 'voluntary'; half of their spendings are paid by local national education authorities) College of the air (arranges extramural lectures with radio and television; unlike the Open University does not issue diplomas). In analyzing this group of realis it is possible to single out the following nominations (sectors in our hierarchic division) with respect to the main feature:

- External appearance: redbrick universities, whitetile universities, plate-glass universities, school without walls;

- Primary audience: Career Center, technical training institution, training school, Research University. Agricultural college;

- Functional orientation: Career Center, technical training institution, training school, Research University. Agricultural college;

- Fiscal organization sponsoring or financing the educational facility: Catholic School, Charitý School, church school, Direct-grant schools.

It has to be noted that, for example, the name 'red-brick universities' is given due to its initial name. Being civic, they admit only the children from the city. There were a total of 12 universities of the kind. The color in the name was given to differentiate

them from the grey bricks of the Oxford, Cambridge and London universities. Carrying some depreciating connotation, this name expresses the superiority of Oxford and Cambridge. In addition, after those universities moved to new buildings of concrete and glass, their name lost its original meaning.

3. Diplomas and certificates: Certificate of Pre-Vocational Education – a certificate of passing the initial exams on vocational education. It has to be noted that unlike the British educational system, Azerbaijan has no such concrete division in its educational system. (Diploma in Education – teacher's diploma is issued after graduation from the pedagogical training department; Diploma in Technology – diploma of an engineer is issued to the graduates of 4 or 5-year higher technical college; Diploma of Higher Education is issued since 1976 after graduating from the pedagogical colleges, as well as other educational institutions, and further education colleges where education lasts for two years, enabling to specialize further in the selected area;

Teacher's Certificate – issued to the graduates of special pedagogical training courses within a university.

There is the analogue of the British 'further education', however, in our country, schoolchildren get two certificates – one about the general secondary education (after the 9th form) and the other about complete secondary education (after the 11th form).

The English term of 'certificate' is wider than the Azeri-language 'attestat' for its meaning, because the first is not about a definite secondary educa-

tion, but is a document that is issued upon obtaining any kind of education and can be used in the meaning of a diploma. For example, 'Teacher's certificate' – teacher's diploma.

4. Scientific degree: 'All But Degree' (A.B.D.) – A doctoral candidate, who complied with all requirements except for the defence of a doctoral thesis; a bachelor without a 'gulf' (at the Oxford and Cambridge universities the last names of such graduates in general lists are separated from the graduates who obtained the BA degree with excellence with a line). The realisation of the 'Student category' group also have the analogues in the Azerbaijani language; however, there are no special terms for them, since our educational system has no such detalization. For example, the British educational system has honors degree, that is the BA degree with excellence, general degree, that is the Bachelor's degree without excellence in two or three subjects, double first – a degree with excellence in two subjects, or pass degree – BA degree with no excellence.

In our language there are also no full analogues for the English 'external degree' (offered to external bachelors) or 'internal degree' (Bachelor's degree for an honors bachelor).

In a number of cases there is a sufficient number of oonymic and multivocal acronyms in this group. For example, VAE: abbreviated form of the Bachelor of Arts in Education; 2. Bachelor of Art Education; 3. Aeronautical Engineering; 4. Bachelor of Agricultural Engineering. For this reason, there are dual abbreviations, that is it is possible to see a number of variants. For example, there is one

more abbreviated form of the Bachelor in Arts (in pedagogics) – BAEC; Bachelor's degree in aviation engineering – VaeE. The same problem could be observed in Azerbaijan's educational system before recently. For example, 'f.e.n' meant the philosophy doctor, as well as the philology doctor. For this reason, the additional abbreviation 'filol.e.' came into use.

5. Types of exams, methods of students' admission: true-false tests – testing the students by the true-false scheme, this is the most widespread type of exam, where students have to tick the true or false answer in each question; open-book exam: students are allowed to use the literature in preparing for the answer, tripos is an open bachelor exam with excellence. In this category it is possible to single out a number of terms of Latin origin. They were first borrowed by the French language and from there assimilated by the English language with altered pronunciation. For example, *responions* – fr. *Responsion*, lat. *Responsio*; *moderation* – fr. *Moderation*, lat. *Moderatio*, *tripos*-lat. *Tripas*. But there are also the realias with the same Latin writing and pronunciation, for example 'viva voce'.

In Azerbaijan, schoolchildren usually take exams twice – when finishing the 9th and 11th forms. However, today there is no single approach to this issue due to the appearance of a number of different schools. The only thing that went unchanged is the graduation exams at the end of the 9th and 11th forms. It is impossible to list all the test exams and

intermediary tests. Today some schools hold test exams at the end of the quarter, while in graduation classes this tradition continues for already a few years. However, there are no special terms for each of these exams.

6. Student (school) life realis: 'college widow': a woman close to several generations of students at a university campus; commencement speech – a speech delivered at the diploma presentation ceremony – the educational institution traditionally invites a well-known political figure, actor, businessman to this end; College port – (old; kept in the basements of the Oxford and Cambridge universities only for the teaching staff); sottom qoot – a rest room or a hall (at the educational institution; sometimes for teachers); *grâce* – an official permission for taking an exam; high table (at the canteen; for professors and council members; usually on an elevation).

The analysis of this group of realias shows their diversity in Great Britain and the United States.

The analysis of this group of realias shows that most of them are used in the metaphoric meaning. For example: 'blackboardjungle', 'drop or add', 'blood', 'blue', 'town and gown', etc.

It would be interesting to analyze the etymology of some of the words. For example, 'Gaudi' – a ceremonial dinner, hosted every year in honor of former graduates – the word of Latin origin 'gaudium joy'. Or a 'rag' – a street rally in the student's campus – formed from one of the meanings of the word 'rag' (a small pompom traditionally carried by a student on his/her headwear).

In this group it is possible to single out a number of words borrowed from other languages: for example, Latin ‘campus’ – ‘Campus-level field’: ‘place for games or military exercises; dormitory, prospectus.’ There are also borrowings from the French language. For example, ‘commencement’.

Teaching staff; ‘visiting teacher’ – a social worker at school; ‘registrar’ – an official employee, registering new college (university) students and dealing with other formalities related to admission; ‘chancellor’ – nominal head of the university; appointed for life; attends ceremonial events at the university 1–2 times a year).

The teaching staff in our country is also diverse: at schools there is a number of deputy directors like in Great Britain, form master (mistress). English ‘supply teacher’ and ‘substitute teacher’ (casual substitute of a teacher) have no analogues in our country.

Types of terms: Easter term – the spring term; Lent term – wonderful term, the spring term; summer session (in Scottish educational institutions).

In the British educational system, the academic year is divided into terms in both schools and universities. The school term lasts for three months, while the university term is two-month long; in most schools the name of the term corresponds to the season; in some private schools and universities the terms are given religious names.

In Azerbaijani schools the academic year consists of four terms, while the university year is composed of two terms.

Unions and associations: free university – a discussion club, a constantly functioning seminar, created in the

students’ knowledge assessment system (credit) to avoid ‘teachers’ dictate’; ‘Parents’ National Educational Union – there is no such analogue in our country. The parents’ council at schools is a different term. British schools have a school council. They discuss different organizational and educational issues with the school administration. There are also such organizations (Students’ union) in some colleges and universities and they deal with the issues of education and students’ life.

The parents’ council in Azerbaijani schools corresponds to British Parent-teacher association (helps the school administration to deal with the general organizational issues). The local national educational authorities in Great Britain have special inspectors who check the attendance of schoolchildren below 16.

Azerbaijan also has compulsory education, which, however, refers only to general secondary school, that is below 15 years old, while attendance is checked by teachers and school administration.

Unfortunately, the British National Union of Students mainly unites the students’ union on the level of college and university federations; they deal with educational issues, as well as the economic, social and other student matters. Some schools in our country also have similar student organizations. There are youth organizations at places, which also deal with the students’ problems.

Curricula (agreed syllabus - coordinated programs on religious education (at public schools; set by the local national education authorities jointly

with religious leaders); orep curriculum – free program; unlike the compulsory program, this program gives an opportunity to students to choose most of the subjects; scared straight; being a special school syllabus, it envisages the students' visit to prisons and their meeting with prisoners, helping students to understand that the crime is a negative social phenomenon and it will not stay unpunished).

It has to be noted that for its lexical and semantic meaning, the concept sphere of the English-Saxon education is more diverse than that of Azerbaijani. The analysis of realis and similar semes show that the concept sphere of the English-language education is quite broad for its lexical content. Despite the introduction of a number of lexical units of the European educational system in the Azerbaijani language as a result of the reforms carried in the Azerbaijani educational system recently, most of the realis formed in the British educational concept sphere were still unable to find their place in the concept sphere of the Azerbaijani education and being closely connected to stable traditions, it is probably impossible to form their full analogues.

The analysis of the sequence of main words verbifying the concept of education shows that some information can be verbified when referred to the concept of British education. Some of them are often verbalized equally in both linguocultures, while others are more relevant to one linguoculture and less relevant to another.

Thus, we can see that the Azerbaijani linguoculture has many notions corresponding to the concepts of Eng-

lish linguoculture; however, they have no lexical analogues in our language. That is a phenomenon has no specific name and exists with notions that are close to it. It means that it is possible to speak about close meanings in the concept of Azerbaijani education, at some stages they are not worked in detail like in the English concept.

Bibliography

1. Вейсалли Ф. Ю. Когнитивное языкознание: основные понятия и перспективы. – Баку : Мутарджим, 2015. (на азербайджанском языке)
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений в семи томах. – М. : Русские словари, 1996. – С. 306–328.
3. Зусман В. Концепт в системе гуманитарного знания URL:<http://magazines.russ.Ru/voplit/2003/2zys.html>
4. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография. – Волгоград : Перемена, 2001.
5. Павиленис Р. И. Проблемы смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М., 1983.
6. Прохорова О. Н. Когнитивное основание значения слов – фактор, детерминирующий употребление их в речи // Язык и культура : материалы международной научной конференции. – М., 2001. – С. 66–67.

Bibliography

1. Vejsalli F. Ju. Kognitivnoe jazykoznanie: osnovnye ponjatija i perspektivy. – Baku : Mutardzhim, 2015. (na azerbajdzhanskom jazyke)
2. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov // Sobranie sochinenij v semi tomah. – M. : Russkie slovari, 1996. – S. 306–328.

3. Zusman V. Koncept v sisteme gumanitarnogo znanija
URL:<http://magazines.russ.Ru/voplit/2003/2zys.html>
4. Krasavskij H. A. Jemocional'nye koncepty v nemeckoj i ruskoj lingvokul'turah : monografija. – Volgograd : Peremena, 2001.
5. Pavilenis R. I. Problemy smysla: Sovremennyj logiko-filosofskij analiz jazyka. – M., 1983.
6. Prohorova O. N. Kognitivnoe osnovanie znachenija slov – faktor, determinirujushhij upotreblenie ih v rechi // Jazyk i kul'tura : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – M., 2001. – S. 66–67.

© Agayeva S. T., 2017.

THE ACTUALITY FUNCTION OF THE PARTICLE WITHIN THE TEXT

V. N. Jafar-zadeh

PhD
Baku State University
Baku, Azerbaijan

Abstract. In this article, text-generating means are expressed. Moreover, the particles as the text-generating formal-grammatical element are expressed. The actuality and means generating it are stated. The functions of all types of particles that forming actuality is reviewed together with the relevant text examples. The role of all types of the particles is explained within the text.

Keywords: text syntax; text components; the relation of the text; formal-grammatical elements; actualization; particle.

Introduction. There exist various types of relations between text forming units. The sentences do not only make a sequence in any text. The relation between sentences of text occurs when the constituent of sentence is either used in the same way in other following sentences or replaced with another constituent which is semantically and grammatically similar with it. The usage of these relations in the text appears in the result of repetition of the devices which are used in the sentences following each other and serving the same purpose of these devices in terms of both form and meaning. Lexical devices are the devices which make up a certain type of relations between sentences. The above mentioned devices create the main frame for text forming.

The main term of text forming is the interrelation of sentences that the text contains. This interrelation is realized by the sequence of sentences

which are connected with each other by conjunctive devices or asyndetically in a certain way [1, p. 127–128].

N. Novruzova who deals with devices stipulating interrelation of text distinguishes three types of devices: lexical, morphological, and syntactical. She gives broad information about pronouns while dealing with lexical devices. She mentions conjunction, particle and modal words as morphological devices that make this relation. She generalizes repetition, position of the sentences and word order in the sentences which forms a text as syntactical devices [2, p. 69–116].

A. Y. Mammadov who deals with formal cohesive devices in text forming distinguishes them into the following groups: grammatical devices, lexical cohesion, phonetic repetition, morphological repetition, lexical repetition, syntactic repetition and gives vast

information about repetition [3, p. 204–205].

Formal-grammatical elements play an important role in text forming. When dealing with formal-grammatical elements, parts of speech that serve to form relations in the text are meant. Mostly, pronouns, adverbs, conjunctions, particles and modal words are considered as text forming devices. Demonstrative pronouns are mainly considered to be more efficient from this point of view. It is necessary to note that the role of pronouns is much more than repetitions and synonyms in binding sentences together closely [4, p. 57].

Particles serve to associate components in the text, give semantic nuances from different aspects and express attitude to the idea, and provide the formation of a text more comprehensive and logical. Particles create actualization in a sentence in which they are used, and play an actualization role in associating components that a text contains.

K. M. Abdullayev, a linguist who deals with the function of actualization of particles in text mentions *da*, *də*, *belə*, *lap*, *ancaqas* particles, as reciprocal pronouns, *yalnız*, *fəqət*, *təkcə* as functional words, *qədər*, *kimi* as adjuncts, *əlbəttə* as modal word while speaking about the words which carry the function of actualization in Azerbaijani [5, p. 82–88].

The main part. Particles take different positions within a text; as a formal and grammatical element between components, as an intensifying device of components, as a morphological element that specifies and restricts meaning of text, etc. Particles are ex-

pressive means of different semantic and grammatical relations and take part in forming coherent texts directly. From this point of view, particles have different types of meaning and each of them gives peculiar colorfulness to the text in which they are used, serves to make sentences logical and expression fluent. In this sense, the text forming function of particles will be looked through separately. We will also pay attention to the text forming features of particles to explain more clearly and in detail according types of their meaning.

Intensifying particles: *axı*, *ki*, *(ən)* *lap*, *ha*, *həttə*, *belə*, *elə*, *artıq*, *daha*, *bir*, *bircə*, *da*, *də*, *ca*, *cə*. This type of particles intensifies the idea expressed in the text, distinguishes the component in which it is used from other sentences, enhances the strength of the meaning and leads to reveal the main idea easily. It serves to the cohesion between components which comprise the text from the aspect of form.

The actualization role of the participle “axı” is an undeniable fact. It realizes cohesion between the components within the text, enables intensification of the idea expressed after it. Its text forming function is free; it can be placed in any positioning a syntactic whole.

- *Axı, ay Mədinə, müharibə bizim tərəflərə də gəlib çatıb. Yolumuza bir bomba düşər!*

- *Qorxma nəynəcan! Elə şey ola bilməz! Dünyanın ən güclü dövlətləri belə razılığa gəliblər ki, müharibə şəraitində də dinc əhali toxunulmazdır. [from “Özgə millət” by Yusif Həsənbəy, p. 197]!*

In the given example the particle “axı” while being used in the first sentence of the text emphasizes the content, makes the idea more precise and binds it with the previous text as well.

The particle “axı” has derived from the word “axır” and when used in the position of particle it means “result”, “consequence”. It has changed gradually its form as a result of dropping the last consonant. It intensifies the meaning of the text whose components are connected by this particle, makes the expressed idea more exact. Both particles give the text explanative intonation.

*Ey gözləri cəllad, kirpiyi almas,
Gör nə derəm, bir sözümə qulaq as!
Axır sənə mən eylərəm iltimas,
Buraya tək naz istəmərəm, bəri bax!*
[from “Qoşmalar” by M. P. Vaqif]

The particle “ki” is placed in the middle or at the end of the sentence according to its position within the components of text. It also emphasizes the meaning expressed in the text. The particle “lap” carries the same semantic and functional features with the particle “ki” and both function as a means of actualization in the text.

Qotazlı dəvə ki karvanın lap başında uzun boynunu şəstlə bir az da uca tutub ayaqlarını ata-ata sarvan Qarasuvarlının atı ilə yanaşı gedirdi, bir addım daha atdı, qabağa keçdi, sağa döndü, elə dönməyilə də birdən-birə daha gözə görünmədi, yox oldu. Sarvan Qarasuvarlı da bununla bərabər yox oldu. Xacə İbrahim ağa ki Qotazlı dəvəni bilərəkdən uzaqdan gözdən qoymurdu, tez atını Karvanbaşının atına yaxınlaşdırdı [from Sehrbazlar dərəsi, by K. Abdulla p. 26–27].

In the example “ki” is followed by names in both cases and causes the pronunciation of the preceding words under the stress. We obviously distinguish between the particle “ki” and the conjunction “ki” according to their function of forming actualization. This conjunction is separated in the text by a comma.

Intensifying particles emphasize the meaning of words or word combinations which constitute the components of text, or generally of the components. So, particles emphasize expressiveness of word, word combination or sentence to which they refer a bit more than other components of the text, specify the meaning and allows more emotional expression of the idea compared to other sentences. Particles differentiate the sentence in which they are used from other sentences. Particles act both as a text forming morphological element and as a means of providing significative expression of coherence within the text.

Specifying particles (elə, məhz, əsl, -ca, -cə). Specifying particles as formal and grammatical elements of text forming explains and clarifies the meaning of the word which they belong to. They stipulate the pronunciation of the word to which is referred under the stress. In general, it does not impact only the meaning of word or expression, but also the meaning of components forming complex syntactic whole.

Təxminən, bir həftə əvvəl Şövqi həyatında çox vacib bir qərar verdi. Artıq bütün gücünü, əslində, əzabını və məşəqqətini bir yerə toplayıb inandı ki, daha doğrusu,

özünü inandırdı ki, bu ağır, ağlasığmaz cinayəti heç bir başqa adam yox, məhz o, Şövqi törədib [from Edam vaxtını dəyişmək olmaz (story), by K. Abdulla].

The specifying particle “məhz” which stands at the beginning and the end of the given text influences the common meaning of the text. The particle placed at the beginning determines the identity of the person about who is spoken. However, there are some formal and grammatical elements of text forming; only the specifying article “məhz” actualizes the meaning.

Restrictive particles (yalnız, ancaq, bircə, təkçə, elə). Restrictive particles which are one of the means connects the constituents of complex syntactic whole stand before word or word combination which they qualify and limit the meaning of the text. This feature distinguishes restrictive particles from intensifying and specifying particles from the semantic point of view.

The particles “ancaq”, “təkçə” serve to bind the sentences together which make up the text. The pronoun *səni* replacing the word “Beyrək” is restricted by using both the particles “ancaq” and “təkçə” several times and pronounced under a specific stress.

- *Ah, canım, ah, gözüm. Beyrəyim, Beyrəyim, mənim Beyrəyim. Səni sevdim. Heç kimsənə gözümə görünmədi, səni, ancaq səni, təkçə səni. Gözüm gördü. Könlüm sevdi. [from “Yarımqıq əlyazma”, by K. Abdulla, p. 77].*

Question particles (ki, bəs, məgər, yəni, ha, -mı, -mi, -mu, -mü) are frequently used in the Azerbaijani language and appear in interroga-

tive sentences. We will look through “-mı” (-mi, -mu, -mü) as a question particle. Being one of the functional parts of speech it is added to the words which function as parts of the sentences and express the question in the sentence. The place of the particle with the word which it is added can be anywhere in the sentence and it has different syntactical function. As the particle “-mı”, (-mi, -mu, -mü) became an affix, it had been considered as an interrogative ending for a while. Undoubtedly, it can be considered as an affix because of adjoining the end of words and appearing in the language in the form of affix. On the other hand, it can not be regarded only as an interrogative ending of only one part of speech (ex: as an ending of the verb) since it can be added not only to one part of speech but also to all the notional parts of speech and express interrogation or turn the whole sentence into an interrogative sentence. It should be called as an affix-particle [6, p. 259].

- *Kapitanın kayutuna! – deyə çamadanı göstərdi.*

Kayutun qapısı yarıörtülü idi. İçəridən çıxan acı tüstü adamı uzaqdan vururdu. Hərdən lap dərinlərdən qopub gələn öskürək dəhlizi başına götürürdü. Mən yanılmamışdım ki? Eşitdiyimə görə belə qoca olmasın gərək “Kompozitor”un kapitanı! Amma yox, mənimki gətirmədi deyəsən! Tünd adama oxşayır! Yoxsa bu qədər papiros çəkərdimi? Açığını deyim, içəri girməyə ehtiyat eləyirdim. [from “Sualtı döyüşlər”, by Y. Hasanbey, p. 8].

Imperative particles (bax, gəl, gəlsən, gələsən, gəlsənə, gəlin, gələsiniz, qoy, qoyun, gör, görün, görək, görsün, ha, da, də, di, -sana, -sənə) express wish, advice, instance, warning etc. in complex syntactic whole, the components of which are linked to each other by them. Imperative particles have various types based upon their formal and grammatical structure; particles used as particles, notional parts of speech and affixes at the same time.

The particle “gəlsənə” differs from others as there exist particles such as “gəl”, “sənə”, “gəlsənə” separately. It is necessary to differ them in the text. The particle “gəlsənə” in the following text sample gives distinctive meaning to the text.

Neçə saatdan sonra Mirzə Əsgər yuxudan qalxdı, yemək stoluna yanaşıb tələb elədi:

- Arvad, mənə yemək ver, yaman acmışam! Qadın kişinin ömründə görmədiyi şirin bir iştahla xörək yediyini görüb sevindi.

- Ay Mirzə, – dedi, – ağır iş sənə düşüb, gəlsənə hesab-kitabı buraxıb, stansiyada iş götürəsən? [from “Özündən naxoş”, by Mir Cəlal, p. 123].

Particles expressing desire and condition (kaş, kaş ki, təki, bari, bir, nə ola) are found in the sentences with a verbal predicate. It gives the text different semantic meaning. The predicate of the sentences with this kind of particles is expressed by the verbs in the subjunctive and imperative form. In this respect, particles give the sentence semantic shades: hopeful, wistful or regretful

wish. If the predicate of the sentence is imperative, it means hope for the realization of the wish, but if it is subjunctive, it signifies regret.

...Elə də olsa, belə də olsa, yənə mənim evim yıxılmayacaqmı? Oğlum-qızım düzdə qalmayacaqmı? Nə bilim vallah, heç özün də bu işlərdən baş açmıram. Kaş yaranmayaydım. Allah məni bura gətirən günə daş yağdıraydı” [from “Dəli Kür”, by I. Shikhli, p. 37].

Result. Dealing with the structure of the sentence its two characteristic features are mentioned. Namely, it deals with two different types of division. One of them is a grammatical division according to parts of sentence in the syntactical level. The other is an actual division regarded as a specific division. Actual division is based on logical categorization of the sentence. The terms “logical subject” and “logical object” are used instead of the terms “subject” and “predicate”. Here the analysis of suprasyntax, the units larger than sentences is remarkably paid attention to. After the analysis of the suprasyntax the devices forming actualization are involved in the analysis. Under the term actual division the principle of relevance between actualized and non-actualized components is meant. The actualization of any component of the sentence differentiates it from other components logically and semantically. This actualization is realized by different types of devices. The most frequently used of these devices is particles.

Bibliography

1. Wintemann G. Re-weighting as textual stimuli. – Munchen, 1972.
2. Novruzova N. Textsyntax. – Baku, 2002.
3. Abdulla K., Mammadov A. Y., Musayev M. M., Ustunova K., Novruzova N. etc. Complex syntactic intact in Azerbaijani language. – Baku, 2012.
4. Solganik G. Y. Syntactic stylistics. – Moskva, 1991.
5. Abdullaev K. M. Actual division of the sentence in the Azerbaijani language // Soviet Turkology. – 1983. – № 1.
6. Huseynzada M. Modern Azerbaijan language : morphology. – Baku, 2007.
7. Yusif Hasanbey. “Another Nation”. – Baku, 2013.
8. Molla Panah Vagif. “Attachments”. – Baku, 2004.
9. Kamal Abdulla. “Wizards valley”. – Baku, 2006.
10. Kamal Abdulla. “Execution date can not be changed”. – Baku, 2015.
11. Kamal Abdulla. “Incomplete manuscript”. – Baku, 2004.
12. Yusif Hasanbey. “Underwater fights”. – Baku, 2013.
13. Mir Cəlal. “Unwholesome”. – Baku, 2005.
14. Ismayıl Shikhli. “Tempestuous Kura”. – Baku, 2005.

© *Jafar-zadeh V. N., 2017.*

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЗОВАНИЯ
МУЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В КЛАССИЧЕСКОМ АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ**

З. Т. Арипов

*Кандидат филологических наук
профессор
Узбекская государственная
консерватория
г. Ташкент, Узбекистан*

**ON THE PECULIARITIES OF EDUCATION
OF MUSICOLOGICAL TERMINOLOGY
IN A CLASSICAL ARABIC LANGUAGE**

Z. T. Aripov

*Candidate of Philological Sciences
professor
Uzbek State Conservatory
Tashkent, Uzbekistan*

Abstract. Abu-Ali-ibn Sino well-known in Europe as Avitsena (980-1037) is an outstanding thinker of the Eastern Renaissance epoch, one of scientific leaders of Arabic speaking world. The aim of the article is to deal with and attract attention to insufficiently known aspects of Ibn Sino's creative work. While speaking about this it is necessary to note that Great Avitsena has chapters about music in his many works and he is one of the creators of Eastern self-independent musical science and the system of musical terminology in classic Arabic language. On the example of the chapter about music from "Code of science of Music" and from the encyclopaedic work («Kitab al-Shifa») "The Book of Healing" the author of the article, tries to prove this. Every chapter of the encyclopaedic work "The Book of Healing" is a complete independent monograph. The aim of the data article is to underline the necessity of studying musical terminology in classic Arabic language, as it forms the most part of the dictionary words of musical theoretical and philosophical aesthetic heritage of the Middle Ages' scientists of the East.

Keywords: Eastern Renaissance; science of music; musical terminology; monograph; musical theoretical and philosophical aesthetic; mathematic sciences; Geometry, Arithmetic, Music, Astronomy; "Code of Sciences of Music"; Sound, tone; Interval; Consonance and dissonance of intervals; Full- scale; Compose a melody (Composition of a melody); Music, musician; Musical instruments; Classic Arabic language.

Ибн Сина был учёным-энциклопедистом. Как подлинный учёный-энциклопедист он с большим успехом работал почти во всех областях знаний. В источниках упо-

минаются свыше 450 его сочинений, в 29 областях науки, а число дошедших до нас трудов около 240 [2, с. 41]. Они охватывают такие области науки как философия, медицина,

логика, психология, астрономия, математика, музыка, химия, литература, языкознание и другие.

Работа велась на основе музыкально-ведческого трактата «Свод науки о музыке» (جوامع علم الموسيقى) из энциклопедического сочинения «Книга исцеления» (كتاب الشفاء) Абу Али ибн Сины, более известного в Европе как Авиценна (980–1037) – выдающегося мыслителя эпохи Восточного ренессанса, одного из научных лидеров арабоязычного мира

Ибн Сина автор «Канона врачебной науки», энциклопедических сочинений «Книга исцеления», «Книга спасения» и «Книга знаний». Цель статьи осветить и привлечь внимание к мало изученным аспектам творчества Ибн Сины. Говоря об этом, отмечу, что у Великого Авиценны во многих трудах есть разделы о музыке и он является одним из основателей Восточной самостоятельной музыковедческой науки и системы музыковедческой терминологии в классическом арабском языке.

Вопрос о точном количестве принадлежащих мыслителю сочинений о музыке ещё до конца не выяснен в современном востоковедении.

В настоящее время считается, что реально существуют следующие три энциклопедических сочинения Ибн Сины, в которых имеются и главы о музыке:

Глава о музыке «Свод науки о музыке» (جوامع علم الموسيقى) из энциклопедического сочинения «Книга Исцеления» (كتاب الشفاء)

Глава о музыке «Краткое изложение науки музыки» (المختصر في علم الموسيقى) из энциклопедического со-

чинения «Книга спасения» (كتاب النجاة)

Глава о музыке «О музыке» (در موسيقى) из энциклопедического сочинения «Книга знаний» (دانشنامه) на персидском языке

Среди трудов Ибн Сины о музыке основная, самая полноценная и значительная (جوامع علم الموسيقى) «Свод науки о музыке» в составе «Книги исцеления» (كتاب الشفاء).

«Книга исцеления» – самый крупный энциклопедический труд Ибн Сины. Он разделён на четыре части:

1. Логика; علم المنطق
2. Физика; طبيعيات
3. Математика; رياضيات
4. Теология. الاهيات

Каждая часть разделена на несколько глав. В книге всего 22 главы. Каждая глава это полноценная, независимая монография. В свою очередь главы поделены на статьи.

Третья часть «Книги Исцеления» – математика, делится на четыре главы:

1. Геометрия; هندسة
2. Арифметика; حساب
3. Музыка; موسيقى
4. Астрономия. فلك

Таким образом, в часть о математике входит и глава о музыке. Главу «Книги исцеления» посвященную музыке, Ибн Сина назвал (جوامع علم الموسيقى) «Свод науки о музыке». Критический текст этого источника на основании десяти рукописей подготовил и в 1956 году издал в Каире известный иракский востоковед – музыковед Закария Юсиф [4]. Она состоит из шести статей. Каждая статья разделена на разделы.

Шесть статей (جوامع علم الموسيقى) «Свода науки о музыке» состоят из девятнадцати разделов. Книга упорядочена следующим образом:

Первая статья состоит из вступления и четырёх разделов:

I – Раздел. (في رسم الموسيقى و أسباب) (الصوت والحدة و الثقل) Описание музыки. Причины появления звука и звуковысотность

II – Раздел. (في معرفة الابعاد المتفقة و) (الابعاد المتنافرة) Определение консонантности и диссонантности интервалов

III – Раздел. (في المتفق بالاتفاق الاول) ((الاصلي)) Гармоничность интервалов первой степени (истинная гармония)

IV – Раздел (في الابعاد المتفقة بالاتفاق) (الثاني) Гармоничность интервалов второй степени

Вторая статья состоит из двух разделов:

I – Раздел. (جمع الابعاد و تفريقها) Объединение и разъединение интервалов

II – Раздел. (في التضعيف و التنصيف) Увеличение и разделение интервалов

Третья статья состоит из четырёх разделов:

I – Раздел. (الجنس و قسمته الى انواع) Жинс – тетраорд (последовательность более одного интервала) и его подвиды

II – Раздел. (في عدد الاجناس) Количество жинсов

III – Раздел. (في القول على الاجناس) (القوية) Слово о сильных жинсах (слово о диатонике)

IV – Раздел (في الكلام على اجناس الابعاد) (اللينية) Слово о слабых жинсах (Слово о энгармонике)

Четвёртая статья состоит из двух разделов:

I – Раздел. (جماعة) Жам – полный звукоряд, гамма

II – Раздел. (الانتقال) Перемещение, модуляция

Пятая статья состоит из пяти разделов:

I – Раздел (في القول على النغم (ايقاعيا) Слово о ритмических тонах

II – Раздел (في محاكاة الايقاع باللسان) О выражении ритма голосом

III – Раздел (في عدد اصناف الموصول) (المفصول) О количестве соединённых и разделённых ритмов

IV – Раздел (الرباعيات و الخماسيات و) (السداسيات) Четвёртые, пятеричные, шестеричные ритмы

V – Раздел (الشعر و اوزانه) Поэзия и стихотворные размеры

У шестой статьи есть заголовок: «О сочинении мелодий, музыкальные инструменты и их свойства.» Эта глава состоит из двух разделов:

I – Раздел (تأليف اللحن) Сочинение мелодии

II – Раздел (الالات الموسيقية) Музыкальные инструменты

Из оглавлений глав и разделов видно, что Абу Али ибн Сина является не только одним из основоположников самостоятельной музыковедческой науки в средневековом Востоке, но и создателем арабской музыкальной терминологии.

Только из наименований глав, статей и разделов (جوامع علم الموسيقى) «Свода науки о музыке» Авиценны можно понять какие важные вопросы науки о музыке рассматриваются в книге и какие важнейшие араб-

На русском языке	На арабском языке
Голос, звук (голоса, звуки)	صوت (اصوات)
Тон (тоны)	نغمة (نغم)
Интервал (интервалы)	بعد (أبعاد)
Род (роды) (в муз. Тетрахорд)	جنس (اجناس)
Звукоряд, лад (Звукоряды, лады)	جمع (جموع)، جماعة (جماعات)
Мелодия (Мелодии)	لحن (الحن)
Гармония	تأليف
Составление мелодии	تأليف اللحن
Музыка	موسيقى
Музыкант, музыкальный	موسيقي
Музыкальная наука	علم الموسيقى
Ритм (ритмы)	إيقاع (إيقاعات)
Перемещение, модуляция	انتقال
Стих (стихи), поэзия	شعر (أشعار)
Стихотворный размер (размеры)	وزن (اوزان)
Инструмент (инструменты)	آلة (الات)
Музыкальные инструменты	الآلات الموسيقية
Книга	كتاب (كتب)
Трактат	رسالة (رسالات، رسائل)
Произведение	مؤلف (ات)
Часть	قسم (اقسام)
Глава	باب (ابواب)
Статья	مقالة
Раздел	فصل (فصول)

Надо отметить, что «Свод науки о музыке» (جوامع علم الموسيقى) Ибн Сины имеет огромное значение не только в изучении истории музыки Востока, но в исследовании арабской музыкальной терминологии, арабских музыкальных источников и грамматики арабского языка.

В Узбекистане научных трудов об особенностях классического арабского языка много опубликовано, высказывается много полезных предложений относительно более быстрого изучения классического арабского языка, чтобы понять труды арабоязычных авторов сред-

невекового Узбекистана (Востока), таких как Исмаил Бухари, Абу Наср Фараби, Абу Райхан Беруни, Абу Али ибн Сины и других авторов. Я долгие годы изучаю научную, в частности музыковедческую терминологию в классическом арабском языке, хотел бы отметить, то, что этот раздел языка, не только недостаточно изучается, но и мало кого интересует вообще.

При изучении трактатов о музыке арабоязычных авторов средневекового Узбекистана, научных материалов, статей, словарей выясняется, что формирование арабской му-

зыкальной терминологии происходило следующими путями:

1. На основе использования некоторых терминов из других жанров этого языка для обозначения конкретных явлений, понятий в науке о музыке например, а) *مقام* оригинальный жанр классической письменной арабской литературы (مقامات) *مقام*, родоначальником этого жанра был Абулфадл Хамадани (969-1008).

Вообще, б) слово *مقام* вошло в поле арабской культуры и литературы через тексты Корана. В Коране *مقام* приводится в 22 аятах, где это слово употребляется в значении «место»: *سورة الدخان 52-51*

إِنَّ الْمُتَّقِينَ فِي مَقَامٍ أَمِينٍ فِي جَنَّاتٍ وَعُيُونٍ

Поистине, благочестивые будут в надёжном месте, среди садов и источников. Сура Дым 51-52 аяты

В учении суфизма, в) слово *مقام* суфийский термин обозначающий «стоянки» на мистическом пути *الطريق* может повториться десятки раз.

В суфизме духовная ступень (либо стадия), достигаемая суфием в результате напряженной духовной практики. Согласно суфийскому теоретику Ас-Сарраджу, существует 7 макамов: Покаяние (тауба), богобоязненность (вараа), воздержание (зухд), бедность (факр), терпение (сабр), удовлетворенность (риза) и упование на Аллаха (таваккуль) [1].

Согласно суфийскому теоретику Хожа Бохоуддин Нақишбанд (1318–1389) имеется 4 духовных ступеней: 1. Илми шариат; 2. Илми тариқат; 3. Илми маърифат; 4. Илми Ҳақиқат и

на на мистическом пути *الطريق* может 80 *مقام* [3, с. 24].

Г) *مقام إبراهيم* Мақам Ибраҳима — место в пределах комплекса Мечети аль-Харам, на котором стоял исламский пророк Ибрахим во время строительства Каабы. В настоящее время на этом месте находится небольшая постройка с куполом.

Название Мақам Ибраҳима упоминается в аяте Корана:

فِيهِ آيَاتٌ بَيِّنَاتٌ مَّقَامُ إِبْرَاهِيمَ Там - ясные знамения для людей -место Ибрахима 397) [1].

Д) Слово *مقام* как музыковедческий термин в значении место пальца на грифе инструмента употреблялся в (*جوامع علم الموسيقى*) «Своде науки о музыке» Авиценны, а также в других арабоязычных музыковедческих трактатах X- XIII веков. Е) С конца XIII в. в арабоязычных и персоязычных музыковедческих трактатах термин *مقام* (مقامات) стал означать парадигматическую (лад) систему, название жанра, например, *دوازده مقام* Двенадцат макомов, *شش مقام* Шесть макомов. Ё) Этим Словом *مقام* пользовались и в составлении сложных терминов выражающих национальные и региональные макамы, например:

- 1) Шашмаком – Бухарские макамы;
  - 2) Арабские макамы;
  - 3) Азербайджанские муғомы;
  - 4) Уйгурские мукомы;
  - 5) Фергано-Ташкентские макомные циклы;
  - 6) Хорезмские макомные циклы
2. Путем использования некоторых слов из разговорного языка:

زير низ, нижняя часть. Муз. Термин – самая тонкая струна музыкального инструмента.

طَرَانِقُ طَرِيقَة طريق, дорога. Муз. Термин – название одной из форм вокальной музыки.

انف нос. Муз. Термин – верхний порожек.

3. На основе использования словообразовательных средств арабского языка:

إرْحَاءٌ четверть большого целого тона, комма; بِنْصِرٌ [بِنَاصِرٌ] безымянный палец, лад безымянного пальца; تَأْلِيفٌ сочинение, составление, композиция.

4. Использование корня соответствующего глагола для создания термина:

ضرب бить, наносить удар; مِضْرَابٌ [مِضْرَابٌ] плектр, медиатор. الف - составлять; сочинять. تَأْلِيفٌ - сочинение, композиция.

5. Калькированием с иностранного языка: الَّذِي بِالْأَرْبَعَةِ – кварта; الَّذِي بِالْخَمْسَةِ – квинта; الَّذِي بِالْكَوْنِ – октава; الَّذِي بِالْإِثْنَيْ عَشَرَ – дуодецима; الَّذِي بِالْأَرْبَعَةِ وَالْإِثْنَيْ عَشَرَ – ундецима.

6. Использование иностранных заимствований, иногда с их трансформацией в соответствии с формой арабских слов:

أُرْعَانٌ [أُرَاعِنٌ] – орган (инструмент наподобие гармони); نَاي (نَايَاتٌ) – най, свирель; دُونَايٌ – кошнай (парный най); خِرَاسَانٌ – район древней Азии, الخراسانية – название одной из форм инструментальной музыки; موسيقى – музыка; موسيقي – музыкант, музыкальный.

7. Одним из способов создания новых терминов в (جوامع علم الموسيقى) «Своде науки о музыке» Авиценны

является образование сложных слов:

الأبْعَادُ اللّٰحْنِيَّةُ – малые интервалы; الأَبْعَادُ الكُبْرَى – большие интервалы; الأَبْعَادُ المِتَنَافِرَة – диссонансы; الأَبْعَادُ المِتَّفَقَة – консонансы; آتُ القَرْعِ وَ النَّقْرِ – ударные инструменты; آتُ النّفْحِ – духовые инструменты; الآلاتُ نَوَاتٍ – струнные инструменты; آلهٌ طَبِيعِيَّةٌ – естественный инструмент – голос человека; الحان الآلات – инструментальная музыка; الحان إنسانيَّةٌ – вокальная музыка; عِلْمُ الإيقَاعِ – наука о ритме; عِلْمُ التَّأْلِيفِ – наука о композиции; القِرَاءَةُ بِالألْحَانِ – чтение речитативом.

Цель данной статьи – подчеркнуть еще раз необходимость изучения музыковедческой терминологии в классическом арабском языке, поскольку она составляет значительную часть словарного состава музыкально-теоретического и философско-эстетического наследия учёных Востока средневековья.

Библиографический список

1. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. – Ансар, 2007 г.
2. Ирисов А. Абу Али ибн Сино. – Т.: «Фан», 1980. – 41 б.
3. Исломий Ҳамидхон. Ипор ҳид ила туғилган Ориф хожа Баҳауддин Нақишбанд. – Т., 1993. – 24 б.
4. ابن سينا الشفاء: الرياضيات: 3- جوامع علم الموسيقى - تحقيق: زكرياء يوسف الناشر: المطبعة الأميرية بالقاهرة الطبعة: 1956 230 صفحة
5. Ibn Sina. Dzhavami ilm al-musika Matbaa al-Amirija bil-Kohira 1956/ 1376. 152 s.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ali-zade A. Islamskiy jenciklopedicheskiy slovar'. – Ansar, 2007 g.
2. Irisov A. Abu Ali ibn Sino. – T.: «Fan», 1980. – 41 b.
3. Islomij Xamidhon. Ipor xid ila tuʻilgan Orif hozha Baxauddin Nakishband. – T., 1993. – 24 b.
4. Ibn Sina Al-Shifa: Mathematics: 3 - Jurisprudence of Musicology - Investigation: Zakaria Youssef Publisher: Al-Muttabeeh Al-Amiriya in Cairo Edition: 1956/230 Pages
5. Ibn Sina. Dzhavami ilm al-musika Mat-baa al-Amirija bil-Kohira 1956/ 1376. 152 s.

© *Apunov 3. T.*, 2017.

**К ВОПРОСУ ОБ ИНТОНАЦИОННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
И ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРЯМОЙ РЕЧЬЮ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

А. А. Бибикова

*Студентка
Владимирский государственный
университет
г. Владимир, Россия*

**STUDY ON THE INTONATION OF COMPLEX SENTENCES
AND DIRECT SPEECH IN NATIONAL VARIETIES OF ENGLISH**

A. A. Bibikova

*Student
Vladimir State University
Vladimir, Russia*

Abstract. As the title implies the article describes the experimentally-phonetic study on the peculiarities of the intonation to a corpus of complex sentences and direct speech in American, British, Canadian and Irish national varieties of English. The comparative analysis of the national varieties of English pronunciation shows that they may vary in the use of final intonational boundary tones. In this article it is also noted the case of «American Drawl» which is mainly typical of the American variety of English.

Keywords: sociolinguistics; intonation; national varieties of English.

В процессе глобализации особое значение получило изучение языковой вариативности английского языка как самого распространенного языка в мире. Причины вариативности языка разнообразны. Некоторые из них имеют лингвистическую природу происхождения, другие обусловлены социальными факторами [1, с. 134]. Социолингвистика – это раздел языкознания, изучающий связь между языком и социальными условиями его существования, поэтому она представляет собой совокупность таких наук как социология и лингвистика и изучает

влияние социальных факторов на развитие и существование языка [2, с. 32]. С помощью этой молодой отрасли языкознания можно изучить, как изменяется язык под воздействием экстралингвистических факторов [4, с. 87]. Социальному варьированию подвержены подсознательные речевые навыки, которые сформированы уже до автоматизма, поэтому на данном уровне варьирование будет наиболее заметным [3, с. 14]. А. Д. Швейцер и Л. Б. Никольский выделяют социально-территориальную языковую дифференциацию. География вари-

антов языка наиболее ярко выявляет их фонетические особенности. В данной работе территория распространения вариантов языка является ключевой в выявлении особенностей интонации.

Цель данной статьи состоит в изложении результатов экспериментально-фонетического исследования особенностей интонации в сложноподчиненных предложениях национальных вариантов английского языка (британского, американского, канадского и ирландского) на основе социально-территориальной языковой дифференциации.

Данное исследование включало в себя два этапа:

1. Слуховой анализ интонационного оформления текста;
2. Лингвистическая интерпретация полученных данных.

Для решения задач эксперимента были привлечены носители английского языка в количестве 48 человек, среди которых 12 информантов – из Великобритании, 12 – из США, 12 – из Канады и 12 – из Ирландии. Следует отметить, что гендерные пропорции соблюдались в равных долях (6 юношей и 6 девушек). Все участники являются студентами в возрасте от 20 до 26 лет, получающие высшее образование в различных сферах: техобслуживание, экономика, социальные науки, искусство, прикладное творчество, кулинария, физвоспитание, сельское хозяйство, животноводство, юриспруденция, международная торговля и отношения, программирование и др.

Испытуемым был предложен текст для прочтения. В качестве та-

кого текста был предложен отрывок из произведения Чарльза Диккенса «Рождественские истории». Текст был выбран с учетом наличия разных типов предложений (прямая речь и слова автора, сложное подчиненное предложение с главным предложением в начальной позиции и с главным предложением после придаточного) и записан на диктофон. Общий объем звучания составил 49 минут 36 секунд (2976 секунд). Для всех информантов использовались единые принципы записи материала.

В ходе эксперимента текст был поделён на интонационные группы, а также было подсчитано среднее количество синтагм для каждой группы информантов:

1. США – 31;
2. Великобритания – 33;
3. Канада – 32;
4. Ирландия – 33.

Таким образом, количество синтагм приблизительно равно.

Рассмотрим случаи интонационного оформления повествовательного сложноподчиненного предложения, в котором главное предложение находится перед подчиненным. В результате анализа установлено, что для каждого из вариантов доминирует низкий нисходящий ядерный тон в главном предложении. Так, например, речь носителей американского варианта английского языка изобилует низким нисходящим ядерным тоном (70 %), например, *Scrooge tacitly admitted the fact to the expectant clerk in **the** | **Tank**,| who instantly snuffed his candle out,|and put on his hat.* В канад-

ском варианте частотность данного ядерного тона составила 54 %, в ирландском – 50 % и в британском варианте – 41 %. Редко употребляемым ядерным тоном в главном предложении является низкий восходящий, который встречается только в американском (6 %) и британском вариантах (23 %). Например: *Scrooge tacitly admitted the fact to the expectant clerk in the / Tank, / who instantly...* (британский вариант).

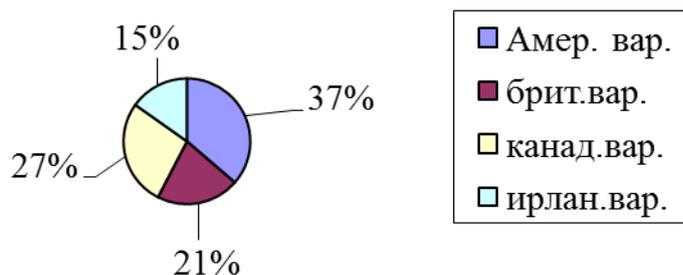
Средним по частотности употребления в главном предложении является средний ровный тон: в американском варианте – 24 %, в британском – 36 %, в канадском – 46 %, в ирландском – 50 %. Например: *Scrooge seized the ruler with*

such energy of, action, /that the singer fled in terror... (ирландский вариант). Низкий нисходящий ядерный тон в главном предложении, которое находится перед придаточным, характерен в большей степени для американского (37 %) и канадского вариантов (27 %); средний ядерный тон более типичен для канадского варианта (34 %) и британского (26 %). Низкий восходящий ядерный тон характерен в большей степени для британского варианта (80 %), в меньшей степени для американского (20 %). В канадском и ирландском вариантах низкий восходящий ядерный тон не зарегистрирован в данных типах предложений.

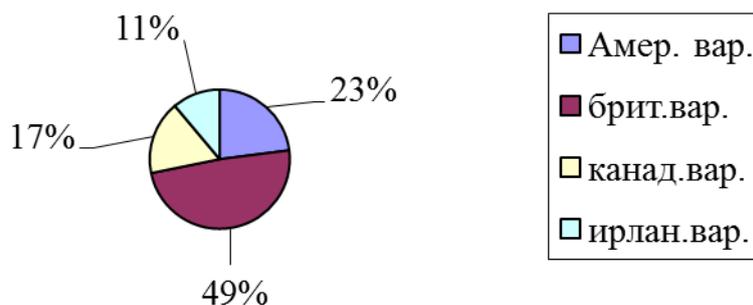
Диаграмма №1

Частотность использования ядерных тонов в повествовательных сложноподчиненных предложениях, где главное предложение находится перед придаточным

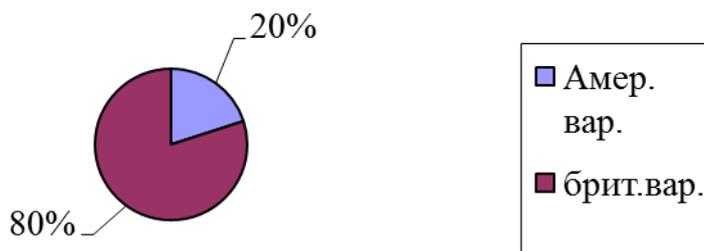
Низкий нисходящий ядерный тон

Средний ядерный тон

Низкий восходящий ядерный тон

Следующим этапом нашего исследования является анализ ядерного тона сложноподчиненного предложения, где придаточное предложение находится перед главным. В результате данного анализа было выявлено, что в придаточном предложении низкий нисходящий ядерный тон доминирует в американском (67 %), британском (72 %) и канадском вариантах (84 %).

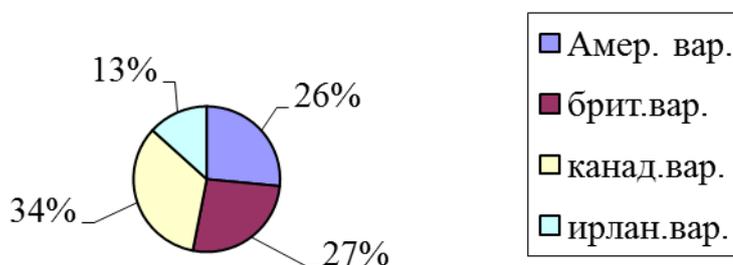
Например: *If I was to stop half-a-crown for it, you'd think...* (ирландский вариант).

Низкий нисходящий ядерный тон в придаточном предложении в равной степени характерен для американского и британского вариантов (33 %). Средний ровный ядерный тон не был использован в американском и ирландском вариантах английского языка в таких предложениях.

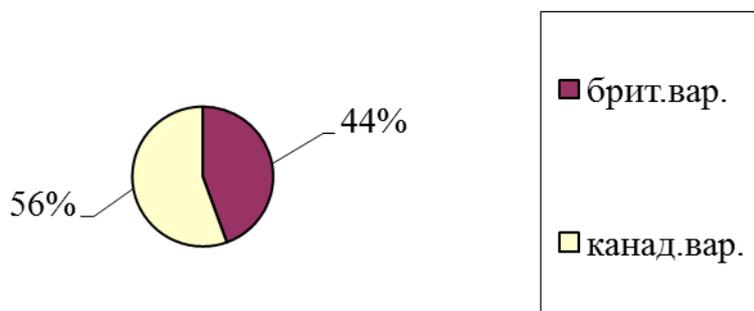
Диаграмма №2

Частотность использования ядерных тонов в сложноподчиненном предложении, где придаточное предложение находится перед главным

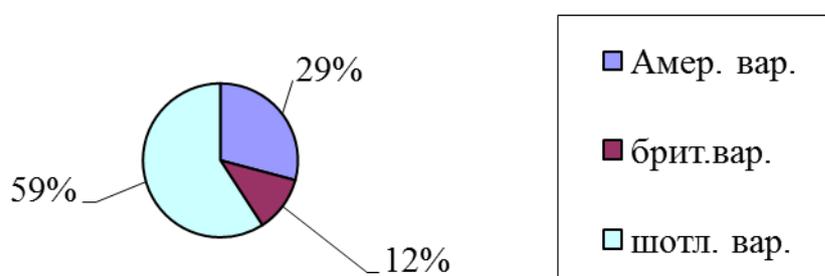
Низкий нисходящий ядерный тон

Средний ядерный тон

Низкий восходящий ядерный тон

В ходе эксперимента были, кроме того, проанализированы предложения с прямой речью. Согласно исследователям британского варианта английского языка, слова автора, следующие за прямой речью, произносятся с тем же тоном, с каким произносится предыдущая интонационная группа или же остаются без ударения. В отдельную интонационную группу, как правило, они не выделяются [5].

В экспериментальном тексте встречаются следующие случаи употребления этого типа предложений: 1) слова автора следуют за прямой речью и являются концом всего высказывания (“*You’ll want all*

day to-morrow?” said Scrooge); 2) слова автора разрывают прямую речь (“*It’s not convenient,” said Scrooge, “and it’s not fair...”/“And yet,” said Scrooge, “you don’t think me ill-used...”*); 3) развернутые слова автора, стоящие за прямой речью и являющиеся концом всего высказывания (“*A poor excuse for picking a man’s pocket every twenty-fifth of December!*” said Scrooge, buttoning his great-coat to the chin).

Что касается первого случая, то практически все информанты выделили слова автора в отдельную интонационную группу, исключение составляют 3 информанта (1 представитель канадского варианта,

2 представителя британского варианта английского языка), которые произнесли прямую речь и слова автора как единую синтагму. Отличие между национальными вариантами английского языка составляет то, с каким тоном было произнесено данное высказывание.

В примере, где слова автора разрывают прямую речь, 74 % информантов не выделяют слова автора как отдельную интонационную группу, а произносят их как единое целое с предыдущей синтагмой (*"It's not convenient," said Scrooge, | "and it's not fair..."* / *"And yet," said Scrooge, | "you don't think me ill-used..."*).

Что касается третьего случая, встречающегося в данном отрывке, то можно выделить два варианта реализации интонации: 1) слова автора делятся на две интонационные группы; 2) первая часть слов автора не выделяется в отдельную синтагму и не имеет ядерного тона, вторая часть слов автора является отдельной интонационной группой и произносится с тем же ядерным тоном, что и прямая речь. К первой группе относятся фразы, реализованные информантами американского варианта английского языка (40 %), ко второй группе – информантами британского варианта (60 %). Например: *A poor excuse for picking a man's pocket every twenty-fifth of December!" said Scrooge, | buttoning his great-coat to the chin* (британский вариант). Реализации в канадском и ирландском вариантах английского языка в равной степени относятся к обоим случаям (50 %).

В ходе исследования, кроме того было изучено явление «American Drawl», т. е. замедленное протяжение гласных в ударных слогах, которое появляется в конце каждой интонационной группы. По результатам этого исследования, было установлено, что это явление присуще в большей степени американскому варианту английского языка (43 %), а также наблюдается в канадском (28 %) и ирландском (22 %) вариантах. American drawl встречается в британском варианте крайне редко (7 %) и только в конечной синтагме. Например: *...even more congenial frost* (американский вариант).

Сами информанты заявляют, что терминология этого явления им не знакома. Это явление более известно как Southern Drawl, которое характерно для жителей южных штатов Америки. Поскольку информанты являются жителями не только южных штатов, можно сделать вывод, что это явление расширяет свою географию. Поэтому название стало более обобщенным, не Southern, а American Drawl и теперь покрывает всю территорию США. Присутствие этого явления в канадском и ирландском вариантах свидетельствует о тенденции к американизации английского языка.

Таким образом, результаты проведенного эксперимента позволяют сделать вывод о том, что территориальная вариативность влияет на характер интонационного оформления речи говорящего. Также можно сделать вывод, что идет тенденция к американизации современного английского языка.

Библиографический список

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика : учеб. пособие. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 315с. ISBN 5-7281-0345-6.
2. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: словарь иностранных слов. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 480 с. – ISBN 5-699-10276-0.
3. Левина Т. В. Вопросы фонетики и фонологии современного английского языка : учеб.-метод. пособие. В 2 ч. Ч. 2. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2016. – 188 с. – ISBN 978-5-9984-0656-0 (Ч. 2) – ISBN 978-5-9984-0633-1.
4. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. – М. : Изд-во Просвещение, 2003. – 399с. ISBN 978-5-98993-133-0.
5. Patrick, Peter L. Ten (socio-) Linguistic Axioms. – 2006. URL: <http://privatewww.essex.ac.uk/~patrickp/Courses/10slxaxioms.htm> (дата обращения: 06.03.2017).

Bibliograficheskiy spisok

1. Belikov V. I., Krysin L. P. Sociolinguistika : ucheb. posobie. – M. : Izd-vo RGGU, 2001. – 315s. ISBN 5-7281-0345-6.
2. Krysin L. P. Tolkovyy slovar' inozazychnyh slov: slovar' inostrannyh slov. – M. : Izd-vo Jeksmo, 2005. – 480 s. – ISBN 5-699-10276-0.
3. Levina T. V. Voprosy fonetiki i fonologii sovremennogo anglijskogo jazyka : ucheb.-metod. posobie. V 2 ch. Ch. 2. – Vladimir : Izd-vo VIGU, 2016. – 188 s. – ISBN 978-5-9984-0656-0 (Ch. 2) – ISBN 978-5-9984-0633-1.
4. Rozental' D. Je., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov : posobie dlja uchitelja. – M. : Izd-vo Prosveshhenie, 2003. – 399s. ISBN 978-5-98993-133-0.
5. Patrick, Peter L. Ten (socio-) Linguistic Axioms. – 2006. URL: <http://privatewww.essex.ac.uk/~patrickp/Courses/10slxaxioms.htm> (data obrashhenija: 06.03.2017).

© Бибикова А. А., 2017.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ КАК НОСИТЕЛЬ ИНОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

О. И. Игнатьева
Т. В. Анищук

*Кандидат педагогических наук, доцент
кандидат филологических наук
Владимирский государственный
университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
г. Владимир, Россия*

ARTISTIC TEXT IN FOREIGN LANGUAGE AS A BASIS OF FOREIGN CULTURE

O. I. Ignatieva
T. V. Anishchuk

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor
Candidate of Philological Sciences,
Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich
and Nikolai Grigorievich Stoletov
Vladimir, Russia*

Abstract. As the title implies the article deals with the problem of usage of a fictional text as information storage media of foreign culture in teaching a foreign language. The usage of that kind of text for undergraduates is essential. We decided to reveal some practical aspects of problem. The system of work with such texts is proposed. Artistic texts have a lot of benefits for learning. They can be used for formulating speech skills and habits and for analyzing the given information. These texts contain communicative tasks which cause the students' desire to express their opinions and to prove their arguments.

Keywords: fictional text; distinction of a fictional text; foreign-language culture; dialogue of cultures; works of modern German writers.

Через чтение – к духовным ценностям других культур.

И. Л. Бим

На современном этапе образования, которое можно назвать эпохой интернета, существует много новых путей и способов, методов, принципов обучения иностранным языкам. Реализуемые в настоящее время в системе общего среднего и высшего

профессионального образования социокультурный, поликультурный и коммуникативно-когнитивный, личностно-деятельностный подходы ориентированы на системное обучение иностранному языку и культуре страны иностранного языка учащихся и студентов вне культурной и языковой среды [5]. При этом обучение иностранному языку должно стать процессом становле-

ния коммуникативной личности как субъекта межкультурной коммуникации. Термин «межкультурная коммуникация» предполагает взаимодействие двух или более культур и преодоление языковых и культурных барьеров. То есть, с одной стороны, эффективное развитие межкультурной коммуникации требует преодоления языковых барьеров, высокой степени языковой подготовки. Однако известно, что между языком и культурой существует близкая, неразделимая связь. В каждом языке всегда отражаются исторические эпохи и периоды смены этих эпох [6]. Система языка лишь задает нормы группирования слов, словосочетаний, типы синтаксических структур, а среда функционирования определяет применение этих средств. Язык – единство структурно-языкового и социально стимулированного характера [2, с. 156].

Таким образом, изучая иностранный язык, мы изучаем и культуру страны этого языка, и объектом овладения обучающимися становится и иноязычная культура, необходимая для «успешной социализации и самореализации, как инструмента межкультурного общения в современном поликультурном мире» (ФГОС среднего общего образования, раздел 9.1.2.)

Специфические составляющие социокультурного контекста занимают не последнее место в современных исследованиях текста с точки зрения разных дисциплин – литературоведения, социолингвистики, теории речевых жанров, функциональной стилистики и т. д.

Нынешние условия обучения, исследования теории текста отдают приоритет медиатекстам (печатным и визуальным), текстам средств массовой информации. И это, безусловно, важно и необходимо, жизнь требует вносить свои коррективы. Но основной источник информации в процессе обучения иностранным языкам является печатный текст.

Текст (как печатное или как визуальное издание) – это наиболее сложный источник информации, работа с которым требует применения больших интеллектуальных усилий. Основным преимуществом печатных текстов в обучении является возможность неоднократного их прочтения, а также отсутствие временных ограничений для их осмысления [3]. Это особенно важно при работе с текстами художественной литературы, которые наряду с другими способами обучения рассматриваются на факультетах иностранных языков как плодотворно конкурирующие способы формирования коммуникативной компетенции, умения самостоятельного устного высказывания.

Любой иноязычный текст несет в себе информацию, в которой отразилась иная национально-культурная перспектива, иные ценностные представления, иные модели поведения. Как в информационном, так и в художественном тексте это может быть выражено посредством отбора фактов, распределения их по степени важности и оценки их автором. Иноязычный текст определенным образом формирует картину мира обучающегося с позиции но-

сителя языка. Такой текст, наряду с опытом человека в родном языке, закладывает основы общечеловеческой культуры, формирует картину мира и развивает его мировоззрение. Познакомившись с иноязычным аутентичным текстом, проработав его с различных позиций, обучающийся уже может обладать неким набором информационной культурной специфики. Это позволяет ему осмыслить образ жизни и мировосприятие носителей языка, делает его готовым при необходимости быть достойным партнером в диалоге культур.

Текст художественной литературы имеет множество достоинств как предмет обучения. Его с полным правом можно рассматривать как важный элемент формирования умений и навыков всех видов речевой деятельности, а также способности анализировать получаемую в процессе обучения информацию, умения выносить собственные обоснованные суждения по тому, или иному вопросу, способности самостоятельно отбирать из множества информации необходимую ему для освоения иноязычной культуры. Художественный текст может содержать в себе элементы рассуждения, умозаключения, оценку предмета речи, различные эмоциональные характеристики и т. п. Он имеет много разнообразных видов речевого воздействия на читателя. Он может убеждать, внушать какие-то мысли, заставить подражать поступкам героев, т.е. «заразить читателя предметом мысли», внушить

стремление к красоте речи, заразить оптимизмом и т. д.

Приоритет художественного текста на иностранном языке заключается также и в том, что в нем уже содержатся коммуникативные задания и обучающийся рассуждает по проблемам, реально отражающим картину мира в отличие от искусственной «речевой ситуации». Кроме этого, аутентичный текст художественной литературы способен иногда быть средством формирования неречевых умений, умений невербального общения, которые представлены в тексте и расширяют представление читателя о стране изучаемого языка.

Таким образом, текст художественной литературы в системе обучения обладает потенциальной способностью формировать интегративное умение владеть иноязычной культурой, включающее в себя не только умение общаться посредством всех видов речевой деятельности, но и умение использовать присвоенную иностранную культуру в ее диалоге с родной [4, с. 292]. Еще Л. Толстой справедливо писал о том, что «искусство (в нашем случае – литературный текст) есть одно из средств общения людей между собой».

Этими идеями руководствовались авторы учебного пособия [1], в котором излагается система работы с художественным текстом на старшем этапе обучения иностранному языку (немецкий язык). В нем предлагаются для анализа художественные тексты немецких писателей – выдающихся представителей

немецкоязычной литературы XX–XXI веков: Т. Манн, Г. Гессе, Б. Келлерманн, Э. М. Ремарк, В. Борхерт, Г. Бёлль, В. Бредель, А. Зегерс, Э. Штриттматтер, И. Бахманн, Г. Мюллер, каждому из которых посвящен отдельный раздел пособия.

Учебная схема содержит следующие моменты: кто создатель художественного текста (общая характеристика жизни и творчества писателя, его место в литературно-историческом процессе), знакомство с одним из его произведений, особенности художественной манеры автора, отразившиеся в данном произведении, толкование намерения автора, средств воздействия на читателя.

Представление о жизни, творчестве, своеобразии каждого писателя дают информационные источники разного рода. Это отрывки из произведений писателей или небольшие литературные формы – например, рассказ; хроника жизни писателя; оценка выдающихся деятелей, представленная в виде эпитафий к каждому из разделов пособия; высказывания писателей о самих себе; выдержки из критической литературы, позволяющие определить масштаб личности писателя; интернет – источники.

Знакомство с жизнью и творчеством писателей начинается с хроники жизни и творчества в виде хронологической таблицы (даты и факты) с последующими заданиями на максимальное извлечение информации, представленной в свернутом виде. Главная задача при обработке информации на данном

этапе получить первичное представление об историческом времени, в котором жил и творил писатель, о личности, об объеме творчества, о жанровых приоритетах. В заданиях к этой части предлагаются различные возможности обработки информации с акцентами или на датах или на чередовании событий жизни писателя. Разнообразные источники фоновой информации углубляют представление о жизни и творчестве писателя. Это необходимо, так как «жизненная правда в творениях искусства не существует вне индивидуального видения мира, вне особенностей его образного мышления и его творческой манеры. Привнося в литературу «свое», талантливый писатель увеличивает общее достояние, духовные ценности, принадлежащие его народу» [7, с. 60]. Задания этого раздела ориентируют на критическое освоение этой информации, мотивируют обращение к дополнительным источникам. Конечная цель данного этапа – подготовить собственное высказывание о писателе, так как обязательным требованием любого вида анализа художественного текста является вступительное высказывание об авторе, о произведении, об эпохе.

Последующую группу текстов составляют аннотации произведения (краткие и развернутые), отрывок из которого предлагается для последующего анализа. Эти источники дают образец жанра аннотации. Студентам предлагается сравнить, обработать, выбрать и обосновать свой вариант высказывания в данной форме монологической речи. Информационный объем пред-

лагаемых источников «вторичной литературы» по замыслу составитель дает достаточные фоновые знания, необходимые для углубленного анализа художественного текста.

После такой подготовки предлагается перейти к собственно анализу текстов. В методической литературе выделяется несколько типов анализа, использование каждого из которых определяется характером конкретного текста и задачами, стоящими на данном этапе обучения: литературно-исторический, лексико-стилистический, синтактико-стилистический. Наиболее адекватным старшему этапу обучения считается компонентный анализ, включающий анализ способов описания внешности, среды, душевного состояния, ситуаций, поступков героя; анализ языка, лексико-стилистических, синтактико-стилистических средств, средств образности. Задания к анализу отдельного текста строятся не по жёсткой схеме, поскольку сила художественного текста кроется в «многосторонности заложенных в нем потенциалов», в активном воздействии на интеллект, эмоции и воображение человека.

Каждый раздел завершается рекомендательным списком текстов данного автора для самостоятельной работы.

Пособие снабжено понятийным аппаратом, необходимым для обогащения творческого высказывания на немецком языке на базе анализируемого текста, который постепенно усваивается студентами по следующим тематическим блокам:

сведения о произведении, характеристика писателя, характеристика произведения, язык произведения. Контроль усвоения этой лексики осуществляется в процессе анализа художественного текста. Критерием оценки результата, достигнутого обучаемым, рассматривается умение самостоятельно и уместно выбирать языковые средства для оформления своих мыслей, оценок. Личность обучаемого будет раскрываться в глубине выразительности, в способах и объеме отбора языковых единиц для монолога как разновидности коммуникативного акта, предполагающего обращенность к слушателю. Но не менее важно будет его понимание другой культуры, ее места в современном мире, его собственного отношения к ней.

Цель пособия – сформировать у студентов навык аналитической работы с художественным текстом, чтобы научиться извлекать и присваивать себе информацию иноязычной культуры, чтобы обеспечить коммуникацию в литературно-художественном информационном формате и вооружить его знаниями, которые он может в последующем реализовать при необходимости участия в диалоге культур.

Библиографический список

1. Анищук Т. В., Игнатъева О. И. Обучение аналитическому чтению на старшем этапе : учебное пособие по немецкому языку как второму иностранному. – Владимир, 2015. – 185 с.
2. Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. Функциональные типы русской речи. – М. : Просвещение, 1982. – 223 с.

3. Меркиш Н. Е. Иноязычные массмедиа и особенности их использования в процессе обучения иностранному языку // Иностраный язык в школе. – 2016. – № 1. – С. 3.
4. Пассов Е. И. Теория методики: цель и содержание иноязычного образования. – Липецк, 2013.
5. Сафонова В. В. Социокультурный подход к обучению иностранным языкамекст]. – М. : Высшая школа; Амскорт интернэшл, 1991.
6. Уфимцева А. А. Лексическое значение. – М. : Наука, 1986. – 239 с.
7. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. – М., 1975. – 406 с.
2. Kozhin A. N., Krylova O. A., Odincov V. V. Funkcional'nye tipy russkoj rechi. – М. : Prosveshhenie, 1982. – 223 s.
3. Merkish N. E. Inojazychnye massmedia i osobennosti ih ispol'zovanija v processe obuchenija inostrannomu jazyku // Inostrannyj jazyk v shkole. – 2016. – № 1. – S. 3.
4. Passov E. I. Teorija metodiki: cel' i sodержanie inojazychnogo obrazovani-ja. – Lipeck, 2013.
5. Safonova V. V. Sociokul'turnyj podhod k obucheniju inostrannym jazykamekst]. – М. : Vysshaja shkola; Amskort internjeshil, 1991.
6. Ufimceva A. A. Leksicheskoe znachenie. – М. : Nauka, 1986. – 239 s.
7. Hrapchenko M. B. Tvorcheskaja individual'nost' pisatelja i razvitie literatury. – М., 1975. – 406 s.

Bibliograficheskij spisok

1. Anishhuk T. V., Ignat'eva O. I. Obuchenie analiticheskomu chteniju na starshem jetape : uchebnoe posobie po nemeckomu jazyku kak vtoromu inostrannomu. – Vladimir, 2015. – 185 s.

© *Игнатьева О. И.,
Анищук Т. В., 2017.*

**ЭКСПЛИКАЦИЯ ЗОНЫ ЯДРА ВВОДНО-МОДАЛЬНЫХ СЛОВ
С СЕМАНТИКОЙ ПРОБЛЕМАТИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ
НА ШКАЛЕ МОДАЛИЦИИ КРАТКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ,
ПРЕДИКАТИВОВ И НАРЕЧИЙ**

В. В. Шигуров

*Доктор филологических наук, профессор
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия*

**EXPLICATION OF THE CORE ZONE
OF INTRODUCTORY MODAL WORDS WITH THE SEMANTICS
OF THE PROBLEMATIC OF AUTHENTICITY ON THE SCALE
OF MODULYATSII SHORT ADJECTIVES,
AND ADVERBS PREDICATIVE**

V. V. Shigurov

*Doctor of Philological Sciences, professor
National Research Ogarev
Mordovia State University
Saransk, Russia*

Abstract. It determines main stages of the transposition of linguistic units of adjectives, predicates and adverbs into between-class-of-word semantic-syntactic category of input-modal words and expressions in the Russian language. For example the word-form "obviously" is given complex characteristics of prototype input-modal words, formed as a result of functional-semantic modalization of short adjective word-forms, predicates and adverbs. It notes in them an absence of most important semantic-grammatical characteristics of original adjectives, predicates and adverbs (except for some forms of degrees of comparison that allow one to graduate the degree of uncertainty of the speaker in the reality of reported).

Keywords: Russian language; grammar; transposition; modulation; short adjective; predicate; adverb; introductory modal.

Среди транспозиционных процессов на уровне частей речи и межчастеречных семантико-синтаксических разрядов особое место занимает модалияция, многие аспекты которой, несмотря на значительное количество работ, продолжают оставаться недостаточно разработанными в современном

языкознании (см., например, исследования В. В. Виноградова, В. М. Жирмунского, Г. В. Колшанского, В. З. Панфилова, В. В. Бабайцевой, А. Г. Руднева, А. И. Аникина, А. М. Мухина, В. Н. Мигирина, О. М. Ким, А. Я. Баудера, И. В. Высоцкой,

Л. И. Василенко, Т. И. Муковозовой, Е. Н. Ореховой [1–5, 8–18]).

В работах по теории переходности и синкретизма не раз отмечалось, что модалация языковых единиц разной частеречной принадлежности осуществляется постепенно, поэтапно, что находит отражение в типовых контекстах, фиксирующих те или иные ступени их транспозиции в семантико-синтаксический разряд вводно-модальных слов и выражений. В реальной речевой действительности мы сталкиваемся с большим количеством синкретичных структур, в разной пропорции совмещающих признаки нескольких частей речи и межкатегориальных разрядов предикативов и вводно-модальных единиц.

Исследование процесса и результата транспозиция прилагательных в краткой форме и наречий на *-о* типа *странно, удивительно, страшно, смешно, ясно, понятно, очевидно* в межчастеречный семантико-синтаксический разряд вводно-модальных слов и выражений показывает, что их модалация также имеет ступенчатый характер. На шкале переходности можно выделить такие звенья:

Звено **К(ратк) п(рил) / Н(ареч) / П(ред)**, манифестирующее ядро прилагательного в краткой форме и / или наречия в предикативной, безлично-предикативной или обстоятельственной функциях:

(1) *Поражение команды в этом матче очевидно; Он очевидно нуждается в лечении.*

Звено **К(ратк) п(рил) / П(ред) : м(од)**, представляющее периферию

краткого прилагательного, в том числе в функции предикатива, т.е. краткие адъективные формы среднего рода единственного числа:

(2) *Очевидно, что победу одержит более опытная команда.*

Звено **к(ратк) п(рил) / п(ред) : м(од)** – зона гибридных, адъективно-предикативно-модальных образований:

(3) *Очевидно: готовиться к соревнованиям нужно более серьезно.*

Звено **к(ратк) п(рил) / н(ареч) / п(ред) : М(од)** охватывает сферу периферии вводно-модальных слов, возникших в результате функциональной модалации языковых единиц, т.е. без нарушения смыслового тождества адъективных и адвербиальных лексем:

(4) *Очевидно, это был тот самый проверяющий, который уже инспектировал положение дел в фирме в прошлом году (= ‘безусловно’).*

Звено **М(од)** эксплицирует ядро вводно-модальных слов, заполненное лексическими и грамматическими омонимами:

(5) *Об этом, очевидно, никто еще не знал (= ‘по-видимому’).*

Прототипические модалаты сформировались в результате функционально-семантической модалации кратких прилагательных, предикативов и наречий] (о типах, степени и пределе категориальных преобразований языковых единиц в системе частей речи и межчастеречных разрядах см., напр.: [2–3; 6–10; 13–14; 19–20]).

Ниже речь пойдет о ядерных модальных словах [**М(од)**]. Это единичные словоформы на *-о*, соотносительные с омонимичными крат-

кими прилагательными, предикативами и наречиями. В отличие от периферийных функциональных модалейтов *странно, ясно, жалко, страшно, очевидно* и т. п., прототипические модальные слова нарушают смысловое тождество исходных адъективных и адвербиальных лексем и выступают по отношению к ним в качестве лексических омонимов. Таков, в частности, модалейт *очевидно* со значением 'по-видимому, вероятно', употребляющийся пре-, интер- и постпозитивно в функции вводно-модального компонента простого осложненного предложения:

(б) (а) *Очевидно, он все-таки заболел;*

(б) *Завтра, очевидно, придется все дела отложить;*

(в) *Необходимо сделать паузу, очевидно.*

На ступени ядра (шкалы переходности) модалейт *очевидно* утрачивает признаки предикативов, а именно: семантику интеллектуальной оценки чего-либо [ср. предикатив (7)]; синтаксическую функцию главного члена односоставной безличной (вводной) конструкции [ср. периферийный функциональный модалейт (8)]; способность употребляться с безличной нулевой или материально выраженной отвлеченной или полуотвлеченной связкой в форме среднего рода, единственного числа в составе единого предикативного компонента и с субъектно-объектными и / или обстоятельственными детерминантами; иметь при себе присловные распространители. Утрачивается при энантиосе-

мии и способность ядерного модалейта *очевидно* употребляться в позиции вводно-модального компонента высказывания с союзом *как* [ср. периферийный модалейт (9)]:

(7) *Для меня было очевидно, что древнейшее правещество – чернила* (М. Шишкин. Письмовник);

(8) *Вполне очевидно, в подобной ситуации Гитлер не мог поступить иначе* (А. Львов. Двор) ($\approx$ 'безусловно');

(9) *Сам факт, что одна из самых мощных и богатых стран региона имела всего 15 км выхода на побережье Персидского залива, побуждала иракского диктатора воплощать воинственные панарабские идеи, которые, как очевидно сегодня, были не чем иным, как арабским глобалистским проектом* (О. Храбрый. Ловушка для диктатора) ($\approx$ 'безусловно').

У ядерного модалейта *очевидно* в значении 'по-видимому' отсутствуют и такие важнейшие признаки исходного прилагательного в краткой форме (*очевидно*), как а) адъективная лексическая семантика; б) частеречная семантика постоянного признака предмета; в) принадлежность к лексико-грамматическому разряду качественных прилагательных; г) грамматические категории и формы – рода (ср. род) и числа (ед. число); д) изменяемость по указанным категориям, т. е. парадигмы словоизменяемых категорий рода и числа; е) флексия *-о*; ж) употребление в синтаксической функции сказуемого двусоставного предложения; з) синтагматические связи с нулевой или материально выражен-

ной отвлеченной или полуотвлеченной связкой (в составе именного предиката); детерминантами и при словными распространителями.

Ср. контекст употребления ядерного краткого прилагательного *очевидно* в позиции именного сказуемого двусоставного предложения:

(10) *И зачем им твоя долгая жизнь, если нарушение очевидно, а наказание сейчас подыщут* (В. Маканин. Стол, покрытый сукном и с графином посередине).

В то же время ядерный модалаят *очевидно* сохраняет грамматическую категорию степеней сравнения прилагательных, предикативов и наречий, позволяющую градуировать степень неуверенности (предположения) говорящего относительно реальности сообщаемого; см. грамматические формы степеней сравнения модалаята: *очевидно* (позитив) / *очевиднее всего* (суперлатив).

Приведем контексты употребления ядерного модалаятного слова в формах положительной (11) и превосходной степени (12):

(11) *Приступ был, очевидно, вызван нервным возбуждением, непосильной перегрузкой больного сердца* (В. Гроссман. Жизнь и судьба);

(12) *Очевиднее всего, герой поставил себе целью рассмотреть в путешествиях какие-то другие возможности...* (В. Рецепттер. Репетилов).

Для сравнения укажем прилагательные, в том числе в безлично-предикативном употреблении (13), наречия (14) в синтетических и аналитических формах степеней сравнения:

(13) *На тех полтора процентах территории, где послевоенные пе-*

ремены очевидно всего, они не сделали жизнь людей удобнее, а страну краше (В. Овчинников. Ветка сакуры); *Чем больше князь думал, тем очевидно становилось, что его первый полководец не мог в ту ночь скакать на иноходке* (Б. Васильев. Ольга, королева русов); *С каждой новой встречей все глупее становилось взять и заговорить, ибо связь их все очевидно, ее уже не спрячешь за невинным «Девушка, где тут улица Академика Вишневецкого?»* (Т. Набатникова. День рождения кошки);

(14) *Ярче и очевидно всего превосходство доказывалось с помощью классических и понятных антитез добра и зла, света и тьмы, здорового и больного* (А. Медяков. «Ру Ку», или образ русских на немецких открытках Первой мировой); *Чем очевидно и вульгарнее они у меня получались, тем больше нравился 2-же Гумберт мой водевиль* (В. Набоков. Лолита);

В отличие от функционального (периферийного) модалаята *очевидно* со значением 'безусловно' (см. [15]), ядерный модалаят *очевидно* (см. [16]) выражает субъективно-модалую семантику не категорической, а проблематической достоверности, т. е. сомнения, предположения, входя в синонимический ряд со словами *наверное, по-видимому, очевидно* и т. п.:

(15) *Очевидно, важнейшими в изучении древнейшей истории народов являются данные археологии* (≈'безусловно');

(16) *Удивлённая Маргарита Николаевна повернулась и увидела на своей скамейке гражданина, кото-*

рый, очевидно, бесшумно подсел в то время, когда Маргарита загляделась на процессию... (М. Булгаков. Мастер и Маргарита) (≈‘повидимому’).

Развитие у *очевидно* антонимического лексического значения (16) произошло на основе энантиосемии, приведшей к нарушению смыслового тождества исходной адъективной / адвербиальной лексемы и формированию лексико-грамматического омонима.

Показательно сравнение следующих контекстов употребления функциональных (17, 18, 19, 20) и функционально-семантического омонимов (21), представляющих разные ступени модалитации и предикативации:

(17) Контекст употребления ядерного краткого прилагательного: *Но в январе это было вовсе не так очевидно, и тогда к нам примазываются отнюдь не спешили...* (Д. Быков. Орфография);

(18) Контекст употребления предикатива: *Сейчас ему стало очевидно, что это чистой воды графомания* (Е. Чижов. Перевод с подстрочника);

(19) Контекст употребления ядерного наречия: *Разлюбив Алису, я очевидно и резко переменился* (С. Шаргунов. Ура!);

(20) Контекст употребления периферийного модалита с признаками краткого прилагательного, предикатива и наречия: *Александр сделал сверхъестественное усилие над собой, мигнул раз-другой, расширил зрачки – и разглядел говорящих: прямо против него, на расстоянии*

не более полутора аршина, сидел важный седовласый старик, грудь которого была усеяна звездами; очевидно, то был не кто иной, как сам министр, граф Алексей Кириллович Разумовский... (В. Авенариус. Отроческие годы Пушкина) (≈‘безусловно’);

(21) Контекст употребления ядерного модалита: *Сшитое, очевидно, лет тридцать назад отличным портным немецкое пальто* (А. Мишарин. Белый, белый день) (≈‘повидимому’).

Как и в случае с модалитом *видно*, далеко не всегда легко определить, какое конкретно значение проявляется у *очевидно* в том или ином контексте – ‘безусловно’ или ‘повидимому’, т.е. уверенности или неуверенности субъекта речи в передаваемой информации. Ср., например, следующее высказывание:

(22) *Очевидно, это был скучный городок со старыми домами, пузатой водокачкой и круглыми деревьями* (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха) (≈ ‘безусловно’ или ‘повидимому’?).

Подобно наречию *очевидно* и периферийному модалиту *очевидно*, ядерный модалит *очевидно* содержит в своей морфемной структуре суффикс *-о*. Однако в отличие от омонимичного наречия, у модалита *очевидно* нет таких адвербиальных признаков, как категориальная семантика признака, синтаксическая функция обстоятельства; способность образовывать словосочетания с знаменательными частями речи, выступая в качестве примыкающего компонента.

Получается, что ядерный модалит *очевидно* не имеет семантико-грамматических свойств прилагательных, наречий и предикативов, кроме двух форм степеней сравнения (*очевидно, очевиднее всего*) и адвербиального суффикса (-о). В то же время ему присущи такие характеристики, как функция вводного компонента высказывания, сопровождаемая особым интонационным рисунком (убыстренный темп речи, понижение тона голоса); отсутствие синтаксической связи с членами предложения; интродукция как способ вхождения в структуру высказывания.

Именно на ступени ядра вводно-модальных слов происходит окончательная трансформация периферийной словоформы *очевидно* в прототипическое модальное слово. Развитие на базе энантиосемии омонимического лексического значения у словоформы *очевидно* обуславливает формирование новой языковой единицы, входящей в межчастеречный семантико-синтаксический разряд вводно-модальных слов и выражений.

В заключение отметим, что в высказываниях с ядерным вводно-модальным компонентом *очевидно* происходит распределение модусной и диктумной частей передаваемой информации: субъективно-модальная семантика предположительной модальности передается ядерным модалитом *очевидно* в позиции обособленного вводного компонента, а оцениваемая субъектом модуса информация (пропозиция) – в оставшейся части высказывания.

-----
 * Работа выполнена в рамках проекта «Комплексное исследование модалитии как типа ступенчатой транспозиции языковых единиц в семантико-синтаксический разряд вводно-модальных слов», выполняемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-04-00039а).

Библиографический список

1. Аникин А. И. Вводные слова и их соотношения с структурно-семантическими категориями слов в современном русском языке // Учен. записки МГПИ, т. 132, вып. 8, 1958. – С. 5–33.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М. : Дрофа, 2000. – 640 с.
3. Баудер А. Я. Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. – Таллин : Валгус, 1982. – 184 с.
4. Василенко Л. И. Структурно-семантическая роль модальных слов в тексте: автореф. дис... канд. филол. наук. – Минск, 1985. – 22 с.
5. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Изд-во «Наука», 1975. – С. 53–87.
6. Воротников Ю. Л. Степени качества в современном русском языке. – М. : Азбуковник, 1999. – 281 с.
7. Воротников Ю. Л. Безотносительные степени качества в русском языке // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 2000, Т. 59. – № 1. – С. 36–43.
8. Высоцкая И. В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. – М. : МПГУ, 2006. – 304 с.
9. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). – Л., 1968. – С. 68–76.
10. Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в со-

- временном русском языке. – Ташкент: Фан, 1978. – 227 с.
11. Колшанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. – 1967. – № 1. – С. 34–49.
  12. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1945. – 322 с.
  13. Мигирин В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. – Бельцы, 1971. – 199 с.
  14. Муковозова Т. И. Грамматический статус модальных слов. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 204 с.
  15. Мухин А. М. Части речи и синтаксические единицы // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). – Л., 1968. – С. 87–95.
  16. Орехова Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, 2011. – 33 с.
  17. Панфилов В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 35–42.
  18. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения. – М., 1959. – 198 с.
  19. Шигуров В. В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка). – М. : Academia, 2009. – 464 с.
  20. Шигуров В. В. Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: Теория транспозиционной грамматики русского языка. – М. : Наука, 2016. – 704 с.
  2. Babajceva V. V. Javlenija perehodnosti v grammatike russkogo jazyka. – M. : Drofa, 2000. – 640 s.
  3. Bauder A. Ja. Chasti rechi – strukturno-semanticheskie klassy slov v sovremennom russkom jazyke. – Tallin : Valgus, 1982. – 184 s.
  4. Vasilenko L. I. Strukturno-semanticheskaja rol' modal'nyh slov v tekste: avtoref. dis... kand. filol. nauk. – Minsk, 1985. – 22 s.
  5. Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom jazyke Izbrannye trudy. Issledovanija po russkoj grammatike. – M. : Izd-vo «Nauka», 1975. – S. 53–87.
  6. Vorotnikov Ju. L. Stepeni kachestva v sovremennom russkom jazyke. – M. : Azbukovnik, 1999. – 281 s.
  7. Vorotnikov Ju. L. Bezotnositel'nye stepeni kachestva v russkom jazyke // Izvestija RAN. Ser. lit. i jaz. – M., 2000, T. 59. – № 1. – S. 36–43.
  8. Vysockaja I. V. Sinkretizm v sisteme chastej rechi sovremennogo russkogo jazyka. – M. : MPGU, 2006. – 304 s.
  9. Zhirmunskij V. M. O prirode chastej rechi i ih klassifikacii // Voprosy teorii chastej rechi (na materiale jazykov razlichnyh tipov). – L., 1968. – S. 68–76.
  10. Kim O. M. Transpozicija na urovne chastej rechi i javlenie omonimii v sovremennom russkom jazyke. – Tashkent: Fan, 1978. – 227 s.
  11. Kolshanskij G. V. K voprosu o soderzhanii jazykovoj kategorii modal'nosti // Voprosy jazykoznanija. – 1967. – № 1. – S. 34–49.
  12. Meshhaninov I.I. Chleny predlozhenija i chasti rechi. – M., L. : Izd-vo AN SSSR, 1945. – 322 s.
  13. Migirin V. N. Oчерки по теории процессов переходности в русском языке. – Bel'cy, 1971. – 199 s.
  14. Mukovozova T. I. Grammaticheskij status modal'nyh slov. Dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2002. – 204 s.
  15. Muhin A. M. Chasti rechi i sintaksicheskie edinicy // Voprosy teorii chastej rechi (na materiale jazykov razlichnyh tipov). – L., 1968. – S. 87–95.

Bibliograficheskij spisok

1. Anikin A. I. Vvodnye slova i ih sootnoshenija s strukturno-semanticheskimi kategorijami slov v sovremennom russkom jazyke // Uchen. zapiski MGPI, t. 132, vyp. 8, 1958. – S. 5–33.

16. Orehova E. N. Sub#ektivnaja modal'nost' vyskazyvanija: forma, semantika, funkcii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk, 2011. – 33 s.
17. Panfilov V. Z. Kategorija modal'nosti i ee rol' v konstituirovanii predlozhenija i suzhdenija // Voprosy jazykoznanija. – 1977. – № 4. – S. 35–42.
18. Rudnev A. G. Sintaksis oslozhnennogo predlozhenija. – M., 1959. – 198 s.
19. Shigurov V. V. Inter#ektivacija kak tip stupenchatoj transpozicii jazykovyh edinic v sisteme chastej rechi (Materialy k transpozicionnoj grammatike russkogo jazyka). – M. : Academia, 2009. – 464 s.
20. Shigurov V. V. Predikativacija kak tip stupenchatoj transpozicii jazykovyh edinic v sisteme chastej rechi: Teorija transpozicionnoj grammatiki russkogo jazyka. – M. : Nauka, 2016. – 704 s.

© *Илюзпов Б. Б.*, 2017.

УДК 80

DOI: 10.24045/fv.2017.2.7

THE ARCHETYPE WATER IN SOME FOLKLORE NARRATIONS

T. A. Khitarova

*Candidate of Philological Sciences
Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin*

E. G. Khitarova

*Candidate of Philological Sciences
Kuban State University
Krasnodar, Russia*

Abstract. The archetype *Water* is analyzed in some folklore narrations. The article conveys the idea that *Water* is the reflection of life, but in the transformed way. The analysis of a spatial dichotomy of archetypes *Height-Bottom* is vital. Immersing in the water goes parallel with danger and mystery, shows reflexion of an archetype *Bottom* and on the contrary – returning to the earth, home, motherland works as a mirror of archetype *Height*.

Keywords: archetype; poetry; poetics; symbol; water; lake; sea.

The aim of this research is to carry out the comparative analysis of an archetype *Water* and its components – *River, Sea, Lake* in folklore of some peoples. Bylinas and fairy tales of Russian people, Irish fairy tales and fairy tales of brothers the Grimm are in the focus of this research.

«Mythological nature of water is among symbols, whose ambivalence is especially obvious. Its deep ontologic essence does not cause doubts. ... Being one of life bases, water can act as a source of a daily satisfying of thirst and as the absorbing beginning, as one of images, synonymous to a chasm. There is a live water with

which steady representations about revival and immortality are connected, but there is also a dead water that deprive hope from the person ... Water – in national representations is one of the basic elements of a universe (along with the earth, air and fire); a support on which the earth holds up; a source of life and means of magic clarification. At the same time water is a space – border between "it" and "that" sphere, a way to a kingdom beyond the grave, a place of dwelling of died souls and evil spirit» [1, p. 21, 98].

«Special value has the sea – a residence of numerous negative

characters; dwelling of death, illnesses. Its embodiments – the sea, ocean-sea, the sea tsar and its twelve daughters, twelve fevers, etc. The positive aspect is embodied in motives of arrival of spring and the sun because of the sea» [2, p. 9].

In a fairy tale from the collection of brothers Grimm «Mother Holle» the main heroine jumps in a well because of despair and fear of punishment for the spoiled spindle. But there is a metamorphosis: «The girl went back to the well not knowing what to do, and at last in her distress she jumped into the water for the spindle. She remembered nothing more until she awoke and found herself in a beautiful meadow, full of sunshine, and with countless flowers blooming in every direction». The plot is similar to the Irish fairy tale «The Fairy of a stream and a spindle» where the heroine has the same adventures. In the fairy tale «Paddin and the malicious lake fairy» the Irish hero by name of Paddin helps the groom who has dropped a wedding ring in lake to take it out: «Whether long and whether deeply he dived, it is difficult to say; but only he fell, fell, and – has suddenly come to be on a land. Hardly he regained consciousness from amazement, he began to look back extensively and has seen the same sky, same light, the same green around, as well as on the earth. There was a great garden in front of him, with shady avenues, twisting paths, with transparent streamlets, wide, emerald-green lawns. On the middle of a garden there was a big, richly cleaned palace with a set of harmonious and beautiful ladders». In the Irish fairy tale "The healing Lake"

hero goes to gain the cow – a feeding source – and finds himself in the beautiful country: «One splash, and lake waters were closed over them, and Shamas together with a cow has gone to a bottom. But only Shamas has thought, that the end has come, he suddenly saw in front of himself himself great palace made from jewels and semi-precious stones. And though he has been absolutely blinded by magnificence of this palace, nevertheless he had enough mind not to release his cow ... But the terrible noise was distributed, lock doors were dissolved, and hundred most charming ladies and gentlemen went out of it». It means that in the heart of lake there is a fine life in which there is no need and sufferings.

In one of the most famous legends of Northeast England – «Lambton worm» – the hero wins a snake-wrecker only in water because on a land it recovers without problems, and prompt streams of water do not allow to grow together the parts of a predator. The comparative analysis of this ancient legend with the Russian bylina about Dobrynya Nikitich and Snake is important. The hero, having disobeyed mother, goes to small river and is attacked by the Snake in the water. V. J. Propp, the known researcher of fairy tales, pays attention to the water nature of a snake. «The snake has the big sizes and a fantastic look, she lives in water and can absorb, detain it and again cast out; she devours people who can perish from it, or get magic forces and health. ... as well as a snake-absorber, a water snake originally a being, though also terrible, but in a basis is good: he (she)

the bearer of waters, later – the founder of fertility, both fertility of fields, and fertility of human. ... How does the motive of struggle against it arise? Outwardly, from a plot, there is a motive of abusing of the power. As a water being, it detains water and creates a drought or, on the contrary, spits such quantity of water that creates a flood» [3].

Comparison of reflexion of an archetype in A. Merdok's novel "The Bell" is suitable. «Lake – dark and oozy, deep. It symbolises subconsciousness back streets, secret inclinations, forbidden impulses. The lake does not only changes the colour, it can worry and attract, is capable to kill» [5].

The comparative analysis of poem of R. L. Stevenson «Heather Ale» from the point of view of *Water* archetype is interesting. «The image of *Water, Sea*, water elements in the given poem is filled by contradictions as well as the physical image of water can change, accepting an image of liquids, the steam, and firm ice, and in this poem the author specifies in discrepancy of elements, on its both positive, and negative qualities, and, in addition, obvious indifference to the person and its feelings, emotions. It makes strong impact on the reader after perusal of poem and touches his deep feelings» [6].

Summarising, it is possible to notice, that in investigated texts the *Water* archetype shows an underside of human life, water bears riches, health, healing and pleasure of life. It is paradoxical that the hero without dependence from circumstances

wishes to return to the earth, to the habitual rhythm and way of living. Thus, the world of illusions is strange to the hero. Probably, here is the morals – the return to home is important and necessary. According to the plot the hero always comes back home with profit - ring (Paddin and the malicious lake fairy), wealth (Mother Holle, The Fairy of a stream and a spindle) and victory (Lambton worm, Dobrynya Nikitich and Snake). In bylinas and legends there is an enemy in the water – the snake with whom the hero is obliged to struggle for the sake of the human purpose and rescue of people. It means that water conceals in itself uncertainty and danger. Having made efforts heroes manage to return back – upward. Hence, the analysis of a spatial dichotomy of archetypes *Height-Bottom* is vital. Immersing in the water goes parallel with danger and mystery, shows reflexion of an archetype *Bottom* and on the contrary – returning to the earth, home, motherland works as a mirror of archetype *Height*.

Bibliography

1. Vinogradova L. N. Encyclopaedia. Slavic mythology. – M. : EllisLack, 1995, p. 21, 98.
2. Ivanov V. V., Toporov V. N. Encyclopaedia. Slavic mythology. – M. : EllisLack, 1995, p. 9.
3. Propp V. Ja. Historical roots of the Magic fairy tale. www.e-reading.club (дата обращения 20.04.2017).
4. Stevenson R. L. Collected works in 5 volumes. – M.: Pravda, 1981.
5. Khitarova T. A. Arhetype images of Height and Bottom in the novel with parable beginning (A. Platonov, I. Merdok, W. Golding). Dissertation for PhD Degree / Krasnodar, 2003. Архетипические

- образы Верха и Низа в романе с притчевым началом (А. Платонов, А. Мердок, У. Голдинг). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Краснодар, 2003.
6. Khitarova T. A. Arhetype image of *Water* in Robert Lewis Stevenson poetic works // Classical and contemporary literature: continuity and prospects of updating : materials of the international scientific conference on November 7–8, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – 52 p. – P. 17–20.
7. www.worldoftales.com (access date 20.04.2017).
8. fairy-tales.su (access date 20.04.2017).

© *Khitarova T. A.,
Khitarova E. G., 2017.*

«ЭФФЕКТ ОРЕОЛА» В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖЕЙН ОСТЕН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»

А. Н. Магомедова
Л. М. Алибекова

*Кандидат филологических наук, доцент
студентка
Дагестанский государственный
университет
г. Махачкала
Республика Дагестан, Россия*

«HALO-EFFECT» IN JANE AUSTIN'S BOOK «PRIDE AND PREJUDICE»

A. N. Magomedova
L. M. Alibekova

*Candidate of Philological Sciences
assistant professor
student
Dagestan State University
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia*

Abstract. In the article authors analyze such psychological effect as halo-effect and it's examples in fiction. Halo-effect is a famous psychological effect that has an influence on people perception even before process of communication begins. Halo-effect also leads to variety of different mistakes and misunderstanding between people. In the article authors review the nature of halo-effect and different sides of this widespread psychological phenomenon. There was also analyzed the impact of halo-effect on different characters of famous English novel "Pride and Prejudice" written by Jane Austen, it's impact on their personality and behavior. The aftermath of halo-affect with the help of the novel's characters were also shown in the paper.

Keywords: literature; philology; psychology; fiction; halo-effect; pride and prejudice; Jane Austen.

В свете роста популярности междисциплинарных исследований, изучение художественного текста сегодня представляется актуальным не только для филологов и специалистов, непосредственно работающих над анализом литературных произведений, но и для специалистов-психологов. В литературном тексте мастера пера раскрывают перед читателями внутренний мир персонажа, отражают специфику

его жизненных коллизий. Зачастую писателем для усиления и создания более живого представления об описываемой им жизненной ситуации используются психологические приемы. Один из этих приемов как раз и стал предметом научного интереса авторов настоящей статьи.

Речь пойдет о достаточно часто используемом в литературе и имеющем психологическую основу приеме под названием «эффект оре-

ола». Действующий «эффект ореола» служит ярким примером, доказательством и объяснением того, как и почему один персонаж наделяется другой характеристиками, через призму которых в последующем будет рассматривать все его поведение. Иными словами, термин «эффект ореола» означает, что вводимый автором новый персонаж по его замыслу поначалу воспринимается окружающими либо как приятная, располагающая к себе личность, либо, наоборот, как раздражающая, отталкивающая, вызывающая недовольство других действующих лиц произведения.

Данное явление получило широкое распространение в художественной литературе. Однако однозначного понимания воздействия «эффекта ореола» нет. Так, например, можно его рассматривать как способ расположить читателя к какому-либо персонажу, пробудить в нем симпатию по отношению к действующему лицу художественного произведения. В то же время, «эффект ореола» может и не выходить за пределы текста произведения и разворачиваться на главной сцене литературного произведения, среди героев, задействованных автором.

В известном романе «Гордость и предубеждение» английской писательницы Джейн Остен, чьи книги пользуются огромной популярностью и любовью читателей [2], можно выделить несколько сюжетных ситуаций, в которых ярко проявляется «эффект ореола». Так, в третьей главе художественного произведения писательница знакомит читателей с одним из главных

действующих лиц романа – мистером Дарси. Следуя за полетом мысли Джейн Остен, читатель во всех подробностях созерцает картину того, какое впечатление о молодом человеке поначалу складывается у женской части общества. “*Mr. Darcy soon drew the attention of the room by his fine, tall person, handsome features, noble mien*” [1]. Это свидетельство того, как в таком положительном восприятии молодого аристократа проявился «эффект ореола», и пришедшие на бал дамы буквально сразу увидели в мистере Дарси «достойного и симпатичного человека». В такой поспешной оценке заключается одна из негативных сторон «эффекта ореола»: люди перестают объективно воспринимать человека, который произвел на них благоприятное первое впечатление, и стремятся не замечать или оправдывать имеющиеся у него недостатки [3].

Но вскоре сама писательница развенчивает созданную благодаря «эффекту ореола» чарующую дымку благопристойного образа Дарси и показывает, как меняется общественное мнение спустя некоторое время. Вновь обращаясь к тексту романа, мы видим, что очень скоро «эффект ореола» ослабевает, и эти внезапные метаморфозы в общественном сознании вызваны поведением самого мистера Дарси: “*he was discovered to be proud; to be above his company, and above being pleased*” [1]. Таким образом, образ обаятельного и симпатичного молодого человека, каким поначалу предстал один из главных героев

романа, был в одночасье развеян, и «эффект ореола» попросту исчез.

Однако на этом моменте Джейн Остен не обрывает историю мистера Дарси и то, что этот колоритный персонаж надолго не исчезает из поля зрения читателя, позволяет продолжить анализ разрушительного воздействия «эффекта ореола» с психологической точки зрения. В шестнадцатой главе первой части романа читатель видит воздействие этого психологического эффекта на отзыв Элизабет Бенетт о мистере Дарси. Во время разговора с мистером Уикхемом Элизабет, которая на данном этапе развития сюжетной линии оказалась под влиянием отрицательного «эффекта ореола», отзывалась о мистере Дарси негативно, не имея на то объективных причин, и, более того, она приняла за правду историю мистера Уикхема, порочащую честь и достоинство английского джентльмена. Позже читатель получает объяснение подобному поведению главной героини романа: она признается в своем негативном отношении к мистеру Дарси, заявляя: *“I have never liked him”* [1].

Таким образом, мы можем говорить о проявлении отрицательного стороны «эффекта ореола» – сложившееся отрицательное первое впечатление может привести к тому, что человек воспринимает поведение другой личности через призму негативной предубежденности и, в контексте данного романа, способствует принятию за правду непроверенных и необоснованных слухов. В десятой главе третьей ча-

сти романа читатель становится свидетелем очередной метаморфозы: заслуживающее глубокое уважение поведение мистера Дарси убеждает Элизабет в его честности и верности истинным принципам джентльмена, и при этом представление об этом молодом человеке кардинально меняется.

На примере романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение» читатели могут проследить процесс возникновения и действия такого психологического явления, как «эффект ореола». В произведении также раскрывается разрушительная сила этого эффекта, а психологический анализ поведения главных героев, подпавших под влияние сформировавшихся у них убеждений, позволяет сделать вывод о том, как меняется поведение персонажей по отношению к тому, кто оказался во власти «эффекта ореола». Таким образом, несмотря на то, что это психологическое явление может иметь как положительную, так и негативную окраску, сформированный при первой встрече «эффект ореола» оказывает огромное влияние на дальнейшее восприятие как самого человека, так и его поведения, и может привести к формированию ложных предубеждений, негативных оценок и неправильных выводов.

Библиографический список

1. Austen J. *Pride and prejudice*. United Kingdom, 2003.
2. Магомедова А. Н. *Pride and prejudice by Jane Austin* : учебное пособие по домашнему чтению для студентов языковых вузов (на английском языке)

- ке). – Махачкала : Изд-во ДГУ, 2009. – 72 с.
3. Магомедова А. Н., Алибекова Л. М. Halo-effect: what is hiding behind the words? // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции «Молодой ученый 2016» (“Startup re-

searcher 2016”) (19 мая 2016 г.), посвященной 85-летию ДГУ. – Махачкала : Изд-во ДГУ, 2016. – С. 33–36.

© Магомедова А. Н.,
Алибекова Л. М., 2017.

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ПЕРЕВОДАХ СКАЗКИ
ШАРЛЯ ПЕРРО «КОТ В САПОГАХ»**

И. С. Назметдинова
М. А. Костромитина

*Кандидат педагогических наук, доцент
студентка
Московский государственный
гуманитарно-экономический
университет
г. Москва, Россия*

**FEATURES OF USE OF SYNTACTIC STRUCTURES
IN THE TRANSLATIONS OF THE TALES BY CHARLES PERRAULT
«PUSS IN BOOTS»**

I. S. Nazmetdinova
M. A. Kostromitina

*Candidate of Philological Sciences
assistant professor
student
Moscow State Humanitarian-Economic
University
Moscow, Russia*

Abstract. Not all literary translations exactly match the original (for example, a different number and model attribution sentences); When translating translators can change the structure of the translated sentence, selectively rearrange or partially replace individual expressions (in accordance with the norms of the Russian language or for the purpose of adapting the original source material for understanding the text content in the target language); the number of sentences can vary, you might be missing some of the types of proposals, and the work itself can wear simplified purely exploratory in nature.

As a text material we selected the tale by Charles Perrault «Puss in Boots» in translation: I. Medvedkova, M. Bulatov and T. Gabbe.

Keywords: literary translations, the structure of the translated sentences, the number of sentences can vary, when translating, translators can change the structure of the translated sentences, to selectively change or partial replacement of individual expressions.

Переводная литература – это «произведение (произведения), оценывает, отбирает, реконструирует и при необходимости изменяет количество и качество синтаксических конструкций не только с точки зрения наиболее точной передачи замысла автора, но и с точки зрения литературной ценности (правильность, чистота и

культура речи) текстового материала в переводном произведении [3].

Как отмечает В. Г. Степанов, переводчик выступает «почти в качестве литературоведа, ведь ему впервые приходится осмысливать весь объём произведения, всё понятийное и стилистическое богатство творения словесного искусства на языке оригинала» [6]. «Смысл художественного объекта, заключённый в определённую форму, направлен на отражение понимания художником окружающей действительности» [1], то есть, переводное произведение – это интерпретация переводчиком авторского восприятия действительности [2].

Процесс перевода текста с одного языка на другой многообразен и неоднозначен. В науке существует три вида письменного перевода [3]:

1. Пословный перевод (буквальный или подстрочный). Это пословное воспроизведение исходного текста с сохранением даже порядка следования структурных элементов, отчего этот перевод выглядит «корявым, неточным», лишённым понятийной основы текстового содержания и должен быть обязательно обработан и заменен литературным вариантом.

2. Дословный перевод заключается в возможно более полной передаче контекстуального значения элементов исходного текста в единицах переводящего языка. Он может применяться при первом, черновом этапе работы над текстом, т.к. помогает понять структуру, содержание и трудные места подлинника.

3. Литературный. Он заключается в выборе такого пути в отражении исходной информации, при котором сохраняется не столько языковой состав оригинального текста, сколько его содержание и эмоционально-эстетическое наполнение. Такой перевод не должен допускать ни сокращений, ни упрощений исходного материала.

Мы остановимся на литературном, или художественном переводе.

В качестве анализируемого материала мы выбрали сказку Шарля Перро «Кот в сапогах». Сказка — эпический жанр письменного и устного творчества, или прозаический устный рассказ о вымышленных событиях и героях, или повествовательная сказочная проза, включающая в себя разножанровые произведения, тексты которых опираются на вымысел. Сказка обладает высокой степенью связанности и представляет собой текст, простой и упорядоченный [4].

Существует около 17 переводов сказки «Кот в сапогах», мы остановились на трёх переводах: И. Медведковой, М. Булатова, Т. Габбе. Нас интересовало использование синтаксических конструкций в указанных выше переводах.

На первом этапе исследования мы проанализировали переводы на предмет наличия в них одинакового количества синтаксических конструкций (предложений), предположив, что все переводы создавались на основе одного и того же оригинала, следовательно, количество предложений в них должно приблизительно совпадать.

Количество синтаксических конструкций

Где / сколько	Оригинал	Перевод		
		И. Медведкова	М. Булатов	Т. Габбе
Кол-во	60	54	75	78

Как видно из таблицы, в переводе Габбе самое большое (78 в совокупности) число предложений, у Булатова – 75, меньшее всего (54) предложения – в переводе Медведковой. Таким образом, по количеству предложений ближе переводы М. Булатова (75) и Т. Габбе (78). Количество предложений в переводе И. Медведковой намного (от 21 до 24 соответственно) меньше, чем в указанных выше переводах. По количеству предложений аналогов оригиналу нет.

На втором этапе, с целью выявления разных типов синтаксических конструкций (предложений), мы проанализировали 207 предложений, использованных в переводах.

Мы выяснили, что с точки зрения синтаксиса переводчиками были употреблены следующие виды предложений, что в совокупности соответствует оригиналу: простые, сложносочиненные, сложноподчиненные, предложения с прямой речью, сложные предложения с разными видами связи, бессоюзные сложные предложения.

Предлагаем авторскую (Назметдинова И. С., Костромитина М. А.) классификацию всех предложений по их видам и количеству использования в текстовом материале каждого из переводов. Представим в следующей сравнительной таблице результаты нашего исследования.

Виды и количество предложений в текстовом материале переводов

Перевод	И. Медведкова	М. Булатов	Т. Габбе
Простые предложения (ПП)	15	26	30
Сложносочиненные предложения (ССП)	3	2	3
Сложноподчиненные предложения (СПП)	20	24	20
Предложения с прямой речью (ПсПр)	16	21	21
Сложные предложения с разными видами связи (ПсРВС)	–	2	3
Бессоюзные сложные предложения (БСП)	–	–	1
Всего предложений	54	75	78

Как показал сравнительный анализ,

1) Простые предложения. В переводе И. Медведковой самое маленькое количество – 15, у М. Булатова – 26, в переводе Т. Габбе самое большое количество простых предложений – 30.

2) Сложносочиненных предложений в переводах сказки «Кот в сапогах» приблизительно одинаковое количество: по 3 у И. Медведковой и Т. Габбе, 2 у М. Булатова.

3) Сложноподчиненные предложения в большем количестве у М. Булатова – 24. У И. Медведковой и Т. Габбе по 20 предложений.

4) Имеются предложения с прямой речью. У М. Булатова и Т. Габбе их по 21, у И. Медведковой – 16.

5) Сложные предложения с разными видами связи в переводе И. Медведковой отсутствуют, в переводах М. Булатова – 2, Т. Габбе – 3.

6) Бессоюзные конструкции мы нашли только в переводе Т. Габбе – 1.

Как мы считаем, с точки зрения понимания и удержания внимания детей в процессе чтения, в переводе Т. Габбе сказка «Кот в сапогах» более понятна и приемлема для слушания детьми и их самостоятельного чтения. В этом переводе самое большое общее количество предложений; большое количество предложений с разными видами связи, служащих для разнообразия смысловых оттенков содержания; самое большое количество простых предложений, придающих динамику повествованию.

Простые предложения, как правило, могут наблюдаться в разговорном стиле общения – в диалоге,

где они обладают относительной смысловой и синтаксической самостоятельностью. Это помогает детям лучше усвоить и понять произведение. Но также интересен этот перевод и в наличии сложных конструкций. Например, у Т. Габбе присутствует 3 сложных предложения с разными видами связи, в отличие от тех переводов, которые здесь представлены, у Т. Габбе больше сложных предложений, чем в переводе И. Медведковой. Простые предложения, утрачивая в известной степени свою синтаксическую самостоятельность, могут образовывать более сложные синтаксические комплексы, называемые бессоюзными сложными предложениями, и только в переводе Т. Габбе имеется бессоюзное предложение, которое придаёт сказке импульсивность.

С точки зрения соответствия оригиналу, наиболее удачен перевод Т. Габбе, и хотя в нем предложений больше, чем в оригинале (60), это связано с особенностями русского синтаксиса.

Например, 1) одному оригинальному предложению, типа: «17. «Voilà, sire, un lapin de garenne que monsieur le marquis de Carabas (c'était le nom qu'il lui prit en gré de donner à son maître) m'a chargé de vous présenter de sa part», соответствует два предложения в переводе Т. Габбе: «23. – Государь, вот кролик из лесов маркиза де Карабаса (такое имя выдумал он для своего хозяина). 24. Мой господин приказал мне преподнести вам этот скромный подарок», или 2) трём предложениям оригинала: «25. Le

marquis de Carabas fit ce que son chat lui conseillait, sans savoir à quoi cela serait bon. 26. Dans le temps qu'il se baignait, le roi vint à passer, et le Chat se mit à crier de toute ses forces:— 27«Au secours! au secours! voilà monsieur le marquis de Carabas qui se noie!», соответствует четыре в переводе Т. Габбе: «37. Маркиз де Карабас послушно исполнил все, что посоветовал ему кот, хоть он вовсе и не догадывался, для чего это нужно. 38. В то время как он купался, королевская карета выехала на берег реки. 39. Кот со всех ног бросился и закричал, что было мочи: 40. — Сюда, сюда! Помогите! Маркиз де Карабас тонет!», — и так, в большинстве своём, по всему тексту. (Данный этап исследования ещё продолжается, однако уже можно сделать вывод, что при литературном переводе, в интересах ясности и чёткости информации, необходимо расчленить сложные оригинальные варианты на несколько более простых, а иногда и изменить их структуру).

Следует отметить, что у М. Булатова самое большое количество сложноподчиненных предложений, они несколько растягивают действия, но дополняют повествование; затрудняют понимания текста детьми, но помогает более ярко и образно выразить происходящее в сказке; они больше соответствуют оригиналу, но сложны для понимания детьми.

В связи с тем, что дети не всегда любят читать, но хотят узнать, о чем сказка, И. Медведкова упрощает всё произведение. В её переводе присутствует 54 предложения, из них

15 простых, 3 сложносочинённых, 20 сложноподчинённых, 16 с прямой речью, но сам диалог отсутствует. Это объясняется тем, что предложения у И. Медведковой сокращены, уменьшено их количество, само повествование «суховато» для детского восприятия, и для детского чтения оно подходит менее всего.

Как мы выявили в ходе исследования, 1) не все литературные переводы чётко соответствуют оригиналу (например, разное количество и типовая отнесённость предложений); 2) при переводе переводчики могут изменить структуру переводимого предложения, выборочно переставить или частично заменить отдельные выражения (в соответствии с нормами русского языка или с целью адаптации исходного оригинального материала для понимания текстового содержания на языке перевода); 3) количество предложений может колебаться, 4) может отсутствовать какой-то из видов предложений, 5) само произведение может носить упрощённый чисто ознакомительный характер.

Библиографический список

1. Антонова С. Г. и др. Редакторская подготовка изданий : учебник. — М. : Изд-во МГУП, 2002. — С. 181.
2. Берендеева Р. С., Назметдинова И. С. К вопросу об эквивалентности текстового содержания переводов художественного произведения оригиналу // EUROPEAN SCIENTIFIC CONFERENCE сборник статей победителей III Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Часть 1.— Пенза:

Издательство «Наука и Просвещение», 2017.– 270 с.

3. Валгина Н. С. Теория текста : учебное пособие. – М. : Логос, 2004. – С. 249.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий; под ред. А. Н. Николюкина. М. : НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
5. Мильчин А. Э. Издательский словарь-справочник. – М. : Юристъ, 1998. – С. 262.
6. Степанов В. Г. Теоретические основы редактирования переводной литературы: конспект лекций. – М. : Издательство МГАП «Мир книги», 1997. – С. 3.

Bibliografickij spisok

1. Antonova S. G. i dr. Redaktorskaja podgotovka izdanij : uchebnik. – М. : Izd-vo MGUP, 2002. – S. 181.
2. Berendeeva R. S., Nazmetdinova I. S. К вопросу об эквивалентности текстового

soderzhanija perevodov
hudozhestvennogo proizvedenija
originalu // EUROPEAN SCIENTIFIC
CONFERENCE sbornik statej
pobeditelej III Mezhdunarodnoj nauchno-
prakticheskoj konferencii: v 2 chastjah.
Chast' 1.– Penza: Izdatel'stvo «Nauka i
Prosveshhenie», 2017.– 270 s.

3. Valgina N. S. Teorija teksta : uchebnoe posobie. – М. : Logos, 2004. – S. 249.
4. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij; pod red. A. N. Nikoljukina. М. : NPK «Intelvak», 2001. – 1600 stb.
5. Mil'chin A. Je. Izdatel'skij slovar'-spravochnik. – М. : Jurist#, 1998. – S. 262.
6. Stepanov V. G. Teoreticheskie osnovy redaktirovanija perevodnoj literatury: konspekt lekcij. – М. : Izdatel'stvo MGAP «Mir knigi», 1997. – S. 3.

© Назметдинова И. С.,
Костромитина М. А., 2017.

М.Н.МУРАВЬЕВ КАК ЧИТАТЕЛЬ-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИИ

А. Н. Пашкуров
А. Ш. Темирбулатова

*Доктор филологических наук; профессор
магистрант
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

M.N.MURAVIEV AS A READER AND RESEARCHER OF THE OLD RUSSIAN HISTORY

A. N. Pashkurov
A. Sh. Temirbulatova

*Doctor of Philological Sciences, professor
Undergraduate student
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

Abstract. In the present article, we examine the uniqueness of the Old Russian history perception and interpretation in the prose of one of the outstanding Russian enlighteners in the second half of the XVIII century – Mikhail Muraviev. The central object of our study is the writer’s documentary and fiction cycle “Razgovory mertvykh” (“Talks of the dead”), which he created in the course of educating the grandchildren of Catherine II (the Great), the cesareviches Alexander and Constantin. Our main task is to reveal the dialectic of interaction between the Old Russian ethical system and the axiological attitudes of the Modern period in the context of the reader’s and fiction interpretation by M. N. Muraviev.

Keywords: Muraviev; axiological program of the Russian prose in the last quarter of the XVIII century; synthesis of documentary and fiction; uniqueness of the Old Russian history interpretation; reader and researcher.

Виднейший русский просветитель конца XVIII – начала XIX веков, Михаил Никитич Муравьев с отрочества воспитывал в себе профессиональную культуру читателя.

Интересно рассмотреть восприятие зрелым Муравьевым – писателем и педагогом, древнерусской литературной культуры, древнерусской истории.

Наиболее полно нравственная позиция автора по этому вопросу отоб-

ражается в его оригинальном произведении «Разговоры мертвых», а также в ряде документально-художественных очерков по истории.

Но прежде чем говорить подробно об этих примерах творчества, целесообразно остановиться на своеобразии религиозно-нравственных воззрений писателя-просветителя.

Важнейшим базисом, воспринятым от Православия, становится концепция Благодетия.

В XVIII веке, среди определенным образом контрастных древнерусской этике европейских философских веяний, Благочестие понималось как нравственная чистота, которая, в свою очередь и приоритетно, обусловлена соблюдением христианских заповедей. Следовательно, Благочестие должно выражаться в праведной жизни. Муравьев как раз и являл современникам пример праведной жизни и остался в памяти истории русской культуры как человек исключительной нравственности.

Например, Ф. Ф. Вигель, современник Муравьева, писал, что он «... был примером всех добродетелей» [4, с. 111]. Ясно отражается этот идеал и у самого писателя – в «Мыслях, замечанияхъ, отрывкахъ» (1790-е г.г.): «Божѣ мой! Сотвори меня волѣ твоей покорнымъ и дай мнѣ способность почитать любовію добрыхъ дѣлъ Высочайшее Существо Твое!» [9, с. 279]. Здесь первостепенно важно особое понимание Добродетели – не столько как способа получить награду свыше, сколько как способа выражения Богопочитания. Это – стремление к добродетели и милосердию бескорыстно, не только по отношению к земному миру и людям, но и относительно Бога.

В своей творческой деятельности Муравьев видел в первую очередь пользу духовную. Не случайно активное использование им в педагогической деятельности художественных произведений собственного сочинения, таких, как: «Разговоры мертвых», так называемый «Евандров текст» и некоторые другие.

Из этого логично следует внимание писателя к личности и нравственному облику самого деятеля литературы. Одним из лейтмотивов писательского наследия Муравьева является обретающая многочисленные формы идея непрестанного духовного самосовершенствования: это и покаяние, искоренение пороков, и упражнения в милосердии и любви к людям, и приближение к Богу. По убеждению Муравьева, поэт обладает способностью и правом духовно просвещать и наставлять людей. Поэты обладают исключительным чувством Истины, которую должны нести людям: «Справедливые уставы, / Укротивши дики нравы, / Стихотворцев суть труды; / Земнородные стекались – / И мгновенно пресекались / Межусобные вражды» [10, с. 120].

Современники Муравьева неоднократно подчеркивали его исключительную религиозность и, соответственно, строгое следование законам христианской жизни. Как отмечает один из первых исследователей творчества Муравьева Н. Жинкин, «... какъ в произведеніяхъ, такъ и въ жизни М. Н. Муравьев производилъ впечатленіе человека глубоко нравственнаго... глубоко вѣрующаго и религіознаго» [5, с. 314].

Литература и другие искусства, в чем и заключается их высшая миссия, несут людям нравственные истины. Главенствующая из них – Добродетель, и как раз чтением как самопостижением и самосовершенствованием, она и создается.

В трудах Муравьева мы неоднократно встречаем идею о том, что

подлинное богатство и наслаждение обретаются не в материальном, а в духовном: «Все наслаждѣнія заключены в добродѣтели», «Добродѣтель со счастием души имѣеть тайное согласие» [9, с.303], «Не ищи его <удовольствие – А.П., А.Т.> индѣ как на стезяхъ добродѣтели» [9, с.311].

Добродетельное Благодетельство выражается в проявлении любви и сострадания к людям. В назидательных словах Муравьева «... и будешь сирому вмѣсто сродника и вмѣсто наставника слабоумному... и одобрение самого себя проникнет душу твою и Ангел-хранитель изыщетъ для тебя новое доброе дело» [8, с. 266] – мы видим, что милосердие не только служит благу страждущих, но и возвышает, преобразует душу оказывающего помощь. Не зря Ангел-хранитель выступает здесь не в роли активного спасателя, а подготавливает пути для самостоятельного, деятельного Спасения.

В процессе осознания Добродетели как центра внутреннего мира человека одним из важнейших нравственных императивов становится *Совѣсть*.

Для Муравьева характерна в этой связи тема покаяния, порой лирический герой может опуститься и в бездну самоуничтожения, подобно древнерусским летописцам: «Во всем перед тобой виновен, / Во всем перед тобой бессловен / Тебе молящийся твой раб. / ... / Наполнясь сердце срамотою, / Прельстилось мира суетою / И не вспомнило тебя...» [10, с. 123].

Первая же строка Девятой оды («Душой и сердцем сокрушенным» [10, с. 123]) отсылает нас к пятидесятому псалму, также называемому Покаянным: «Жертва Богу дух сокрушен: сердцесокрушенно и смиренно Бог не уничижит». У Муравьева мы встречаем то же упование на Милость Божию, что и у царя Давида. Как царь Давид, так и Муравьев абсолютно честны перед Господом, открыто и безапелляционно по отношению к самим себе свидетельствуют: «Яко беззаконие мое аз знаю и грех мой предо мною есть выну. Тебе Единому согреших, и лукавое пред Тобою сотворих» – «Я согрешил, но зри: я каюсь, / Я признаю, что претыкаюсь» [10, с. 123].

По своей тональности Ода Муравьева соответствует покаянному канону Андрея Критского (почитаемого исключительно в Православной церкви) который, по словам протопресвитера Александра (Шмемана), «можно описать как покаянный плач, раскрывающий нам всю необъятность, всю бездну греха, потрясающий душу отчаянием, раскаянием и надеждой» [1, с. 3]. Отсюда – и устойчивый мотив раскаяния, очищения от греха: «Я еще лучше хочу, чтобы мои злодѣянія были освѣщены окомъ всевѣдущаго»; «Дай Богъ! При очахъ всего свѣта претерпѣть единойды срамное принужденіе признать себя порочнымъ, чтобы, устыдясь, навсегда переродиться добродѣтельнымъ. Но паче, дай Божѣ! Не быть никогда приведены въ состояніе произнестъ сіе желание

и быть добродѣтельны без затрудненія» [9, с. 314].

Совість же становится для Муравьева одним из важнейших критериев оценки и самооценки личности: «Желаешь умереть тотъ, кто чувствует себя недостойнымъ жить» [9, с. 261] – таким образом, самоощущение, тот строгий вердикт человека самому себя и способность видеть свои пороки представляет собой камертон, определяющей нравственную жизнь человека.

Неотъемлемой составляющей праведной и благочестивой жизни является любовь к людям и, следовательно, помощь ближнему. «Какое наслаждение говорить в самомъ себѣ: я не оскорбилъ никого! Я люблю, я стараюсь всѣхъ любить, не исключая и техъ, которые меня не любятъ» [9, с. 292] – здесь Муравьев явно обращается к тексту Нагорной проповеди, где Христос дает людям новый завет, и противопоставляя его старому завету, говорит о необходимости любить не только ближнего, но и своих врагов. Подлинную христианскую любовь Муравьев являет в строках: «И людей любить никогда не врѣдъ: людей добрыхъ, хотя бы и несовершенныхъ, ибо совершенство подлинное, настоящее не находится в родѣ человѣческомъ, и мы первые не имеемъ онаго и понятія» [9, с. 293]. В данном случае Муравьев говорит о любви ко всему человеческому сообществу, и его взор хоть и видит объективно его удаленность от идеала, все же терпимо и кротко утверждает всеобъемлющую любовь к человечеству.

Милосердие видится Муравьевым как неотъемлемая, естественная составляющая жизни: «Счастливые люди жестокосерды и не умѣютъ болѣзновать о бѣдныхъ... Наконецъ потщитесь доказать человѣколюбиемъ, не гордостію, облегченіемъ жребія бѣдныхъ, что вы счастья своего достойны» [9, с. 311].

Одним из важнейших проявлений Добродетели в нравственно-религиозных взглядах писателя является идеал Соборности. Соборность – по выражению С. Н. Булгакова, «душа православия» – уникальное понятие, свойственное русской философии и теологии, обозначающее добровольное духовное единение благочестивых и добродетельных людей на основах любви и братства. Такая общность осуществляется как в мирской сфере (так, позже А. С. Хомяков противопоставляет соборность индивидуализму (протестантства) и авторитарности (католицизма); это «солидарность в мыслях и действиях» Н. Д. Успенский), так и на уровне духовной религиозной жизни («единство особое, благодатное, без которого недействительны церковные таинства. Благодатная сила этого единства исходит из таинственного союза Христа с Церковью» [13]. Н. А. Бердяев понимал под соборностью сам феномен Церкви и Спасения: «Есть круговая соборная ответственность всех людей за всех, каждого за весь мир, все люди – братья по несчастью, все люди участвовали в первородном грехе, и каждый может спастись лишь вместе с миром» [2, с. 190]. На русскую почву это понятие принесено еще

первоучителями Кириллом и Мефодием при переводе Символа Веры, однако, можно говорить о том, что это понятие является уникальным именно для русского миропонимания – в иноязычных философии и богословии мы не встречаем аналогов этому понятию, оно по существу не органично западному миропониманию. Истоки можно найти еще в таком известном памятнике древнерусской словесности, как «Слово о законе и благодати».

Идея Единения, в глубоко родственном Соборности значении, имеет чрезвычайное значение в творчестве М. Н. Муравьева. У Муравьева это понятие обретает различные формы и наименования («братство», «семья», «семья чистых сердец», «семья соотечественников», «общество добрых людей»), но сводится в итоге к православному феномену соборности. Этой теме посвящены множество эссе и заметок Муравьева, одни заголовки которых свидетельствуют о специфической глубокой направленности мысли автора: «Общество добрых людей», «Общее благоволение къ чловѣческому роду» и т.д. Автор рисует сообщество людей, построенное на принципах милосердия, благочестия, чистой совести – картину, столь вожделенную всеми христианами: «они запретили входх всемъ порокамъ», «молодые старались превзойти другъ друга въ в повиновеніи старшимъ», «не было у нихъ радости болѣе, какъ съделать что-нибудь пріятное другому» [8, с. 220].

Страдание, как моральное, так и физическое, воспитывает в душе

человека способность находить утешение в высших благах: Добродетели и Вере. В «Мыслях, замечаниях и отрывках» писатель рассуждает о том, что даже в болезни, и, более того, благодаря болезни, человек прозревает. Внутренняя гармония, дарованная Богом – единственное возможное убежище от скорбей: «Счастливъ среди страданій своихъ недугующій, котораго душа непотрясена... можетъ наслаждаться прошедшимъ, особенно – вспоминая свои добрые дѣла» [9, с. 276]. Еще более укрепляют страдальца его собственные благие дела: добродетельный человек всегда остается, по мысли Муравьева, под покровом Бога и может рассчитывать на других добродетельных людей, что приводит нас к феномену Соборности.

Важнейший факт в биографии писателя-просветителя: в 1785 году Муравьев был приглашен наставником, а также учителем словесности, русской истории и нравственной философии для великих князей, внуков Екатерины II – Константина и Александра.

Не оставшись в стороне от влиятельных для второй половины XVIII века просветительских педагогических концепций Европы (Локк, Руссо, Фенелон, Клерк и другие), Михаил Никитич пошел иным путем и дальше: объединив и усвоив наиболее ценное, создал свою, оригинальную систему обучения и воспитания.

Но при этом целый ряд положений западной нравственной философии Муравьеву в значительной степени чужд. Так, в частности,

русский мыслитель, педагог, просветитель и писатель не принимал идею системы «природного состояния», предложенную Ж.-Ж.Руссо, и, как в своей воспитательной деятельности, так и в целом в своих убеждениях, отстаивал необходимость Просвещения и позитивную роль распространения наук в процветании добродетелей: «Просвѣщаясь, становимся мы доброжелательнѣе <...> Вся система наукъ, вѣличественное и разнообразное зданіе, есть спокойное убѣжище от пороковъ, страстей и праздности» [9, с. 269].

Одной из главенствующих основ педагогической системы Муравьева стала высоконравственная личность самого учителя: он во многом старался воспитывать цесаревичей собственным примером. Н. Жинкин об этой роли Муравьева говорил так: «... учитѣль всегда долженъ быть на сторожѣ, слѣдить за своими действиями и словами, помнить, что передъ нимъ необыкновенно воспримчивая и чуткая аудиторія» [5, с. 290]. Уже этим исследователем, одним из первых в муравьевоведении, в начале XX века был отмечен системный подход Муравьева-педагога к передаваемым знаниям, что подразумевает взаимосвязь и интеграцию изучаемых предметов по ходу обучения. Тем самым, как видим, писатель-просветитель шел в авангарде современной ему педагогической мысли. Известно и важно также, что Михаил Никитич был знаком с трудами Я. А. Коменского, где впервые были сформулированы идеи системного подхода в педагогике.

Муравьев-наставник старался воспитать из цесаревичей истинно просвещенных монархов, не только «понимающих значение развития промышленности и торговли», но и «умеющих уважать в каждом подданном человека», «покровителей наук и искусств» [6, с. 8] и, главное вместе с тем, добродетельных христиан. Именно с воспитательной деятельностью М. Н. Муравьева ряд ученых, таких, как В. О. Ключевский, А. Н. Пыпин, А. Ю. Андреев, связывают идеалистические черты личности воцарившегося затем императора Александра I. Бесспорной идейной базой в благородном деле просвещения, образования и воспитания цесаревича учителю-просветителю служила христианская этика и древнерусская письменность.

Об общем нравственном созвучии писателя с древнерусской философией и этикой мы уже рассказали. Здесь же отметим еще и то, что в итоге Михаил Никитич органично соединил идеи Просвещения и древнерусскую этику, преодолевая «педагогический хаос», как назвал ситуацию смены культурных парадигм, сложившуюся во времена Екатерины II, П. Ф. Каптерев.

В своей воспитательской деятельности Муравьев активно использовал собственные сочинения. Вообще, можно говорить о том, что в период учительства не только свои моральные и физические силы, но и сам талант он поставил на службу России. В целом ряде своих оригинальных просветительских произведений, созданных в эти годы, Михаил Никитич «проповѣдовалъ любовь

к человечеству» и «необходимость господства закона, обуздывающего деспотизмъ» [11, с. 20].

«Разговоры мертвых» (опубликованы в 1796 году, после окончания обучения цесаревичей), будучи связанными с воспитательной деятельностью Муравьева, проникнуты патриотическим пафосом и обладают очень отчётливым религиозно-нравственным звучанием.

Преимущественно в науке, как замечает В. Н. Топоров, «текст истории» Муравьева изучался и изучается с точки зрения исторической науки или в контексте западной концепции истории. Определенное основание для таких параллелей есть: Муравьев, действительно, занимался изучением трудов Гиббона и Робертсона, Макиавелли, Болингброка, Юма и Фергюсона [12].

Наша цель – иная: рассмотреть творчество Муравьева с точки зрения традиций древнерусской словесности и этики. Однако, указание Топорова на знакомство Муравьева с трудами Эдуарда Гиббона для нас очень ценно. Поясним. В «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббон хотел показать путь Римской империи от конца II в. до 476 года, но, работая над источниками, сделал вывод, что после падения старого Рима его роль взял на себя новый Рим – Константинополь, поэтому философ-историк стал писать и историю Византии до ее падения, то есть до захвата ее Османской империей в 1453 году. Возможно, именно это и натолкнуло Муравьева, читателя-исследователя, на мысль о параллели с древнерус-

ской концепцией «Москва – Третий Рим». Эта известнейшая смыслонесущая древнерусская концепция как раз и находит интересное развитие в «Разговорах мертвых».

Как известно, наиболее вероятно, что эта теория впервые была сформулирована старцем Филофеем в посланиях Василию III: «Да вѣси, <...>, яко вся христианская царства приидоша в конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, <...>, то есть Роменское царство: два убо Рима падоша, а третий стоитъ, а четвертому не быти» («Послание о злых днехъ и часѣхъ»). Для Муравьева в данном случае не существует перенос столицы из Москвы в Санкт-Петербург, ведь, как видится автору, вся Россия перенимает величие Римской Империи, как в политическом отношении, так и в религиозно-нравственном плане.

Следуя этой логике, Муравьев в символическом диалоге основателей двух великих держав-империй, Ромула и Кия, устами Ромула описывает величие Римской империи, а его Кий говорит о ее падении, ставя на ее место Россию. Кий прославляет мощь России, ее воинскую силу, Россия в его репликах становится средоточием всех благ цивилизации: «зрі Россію, разливающую просвѣщеніе от моря Балтійского до водъ, омывающихъ Новый Свѣт: воинства ея, флоты, искусства, учреждения» [8, с. 301]. Далее, в диалоге «Рюрикъ и Олегъ», автор развивает эту идею: его герои говорят о том, что Константинополь, прежде чем окончательно пасть, передал куль-

турное наследие и право духовного лидерства Киевской Руси.

В связи с тем, что Муравьев делает акцент не только на политическое и военное первенство России, в дальнейшем более полно раскрываются и его идеи о ее религиозно-нравственном, духовном лидерстве среди других стран. Россия и монарх как помазанник Божий понимаются как хранители Правой Веры.

Диалог Ромула и Кия – первая глава «Разговоров мертвых». Прозвучавшая уже здесь отсылка к концепции «Москва – Третий Рим», преобразившись в идею о величии и процветании России, становится дальше лейтмотивом во всем муравьевском произведении.

Как считает Б. А. Успенский, идея «Москва – Третий Рим», хотя в Петровское время и не входила в круг официальной идеологии, все же незримо присутствовала в государственной идеологии: «само обращение к Риму как норме и идеалу государственной мощи было традиционно для русской культуры» [12, с. 60].

Муравьев своеобразно возрождает из забвения теорию Третьего Рима и становится проводником этой идеи как в политическом плане (эти идеи вновь зазвучали во время войн с Турцией), так и в мировоззренческом (он предугадывает, в известном смысле, доктрину славянофилов в XIX веке).

Следует писателю древнерусской традиции и в том, что, в его понимании, самодержавие, единоличная власть мудрого правителя – та сила, под властью которой и объединяется государство. Герои Муравьева

вторят героям древнерусской исторической литературы, осуждая междоусобицу и любое разобщение, являющееся следствием заботы о личном благе, а не о благе государства и народа. Например, Михаил Никитич так говорит о мудрых правителях в диалоге Владимира и Карла Великого: «поставленные Провидением надъ народами... которые посвятили спокойствие своей жизни благополучию вселенной» [8, с. 312]. Заметим, что то же представление о Божьей воле, мудром провидении, поставившем царя на это место, о благодати такого правления – мы встречаем в «Послании на Угру» Вассиана Рыло: «Тем же пророчески рещи, Богом утвержденный царю: ... и престол твой правдою и кротостию и судом истинным совершен есть, и жезл силы послетти Господь от Сиона» [3]. У Муравьева же мы видим образ монарха, который является источником процветания государства, благ установления законов, а также выступает залогом соблюдения законов и справедливости.

Обращаясь к истории Руси, Муравьев не может пройти и мимо темы междоусобных войн. Его герои сетуют на неразумие и эгоизм князей, разделяющих и раздирающих междоусобицами единое государство. В этом плане показательно сравнить «златое слово» Святослава из «Слова о полку Игореве» со словами Ярослава I:

а) «Яролсави вси внуце и Всеславли... Уже бо выскочите изъ дедней славе. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганья на землю русскую...» –

б) «Онъ раздѣлилъ области свои между нами, сынами своими, которые вмѣсто согласія и взаимной помощи обагрили Отечество кровію сограждан» и его же напутствие сыновья на смертном одре: «въ согласіи вы всехъ одолѣете; въ раздорѣ будете жертвою непріятелей» [8, с. 306].

С именем княгини Ольги Муравьев связывает первое явление христианства на Руси. «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с Ним примирения» – так писал автор «Повести временных лет», легендарный Нестор. Однако, в дальнейшем описании жизненного пути святой равноапостольной Ольги Муравьев находится как бы между Нестором, достаточно подробно изложившим мечь княгини древлянам, – и автором жития Ольги, который вообще не оговаривает, что такая мечь имела место быть, а сама Ольга в диалоге со своим мужем Игорем говорит: «Я дѣйствовала по несправедливымъ понятіямъ воспитанія моего и народныхъ нравовъ» [8, с. 311].

Муравьев стремится проникнуть и в психологию героини, более подробно пишет о мотивах Ольги в принятии новой веры. В данном случае он согласен с автором «Повести временных лет» и видит в основе крещения Ольги ее стремление к познанию истины и Богопознанию. Принятие православной веры, по замыслу Муравьева, связывается со светом истинного знания, в противовес тьме и жестокости язычества. Также Муравьев останавливает внимание на том, какую переме-

ну принесло в душу Ольги принятие христианства: «... въ каждомъ челоуѣке видѣла я брата, видѣла въ Богѣ общаго Отца всѣхъ племенъ и языковъ, населяющихъ вселенную» [8, с. 311]. В уста прозревшей героини Муравьев вкладывает слова о любви к людям, то есть повторяет Вторую Заповедь и один из фундаментальных принципов христианства: «Возлюби ближнего своего как самого себя». Как и автор «Житія ... Ольги», Михаил Никитич говорит о ее вкладе в распространение на Руси христианства, просвещения, учреждении школ.

Главным и непосредственным преемником муравьевской нравственной традиции станет Василий Андреевич Жуковский. Известно, что он активно занимался подготовкой трудов Муравьева к изданию, знакомясь, таким образом, с муравьевской концепцией Добродетели и методикой органичной ассимиляции западной и отечественной философии Добродетели. Идеи об очищении души страданием, противопоставления роптания и смирения, о тайнах Бытия, неподвластных человеческому пониманию и выражению в слове, о Добродетели, спасающей душу и потому являющейся одной из наибольших ценностей родственны миропониманию Жуковского и найдут полноценное развитие в его творчестве.

Библиографический список

1. Александр (Шмеман), свящ. Великий покаянный канон св. Андрея Критского [Электронный ресурс] / свящ. Александр (Шмеман). – 2015. – URL: <http://www.zavet.ru/kalendar/vp/s1pnd->

- 001pr.htm. Доступ свободный. Дата обращения 07.05.17.
2. Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества*. – М. : Правда, 1989. – 607 с.
  3. Вассиан Рыло. *Послание на Угру [Электронный ресурс]*. – 2015. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5070>, свободный. Дата обращения 09.06.15.
  4. Вигель Ф. Ф. *Воспоминания*. – М., 1866. – Т. VI. – С. 100–115.
  5. Жинкин Н. М. Н. *Муравьев // Изв. Отд. русского языка и словесности*. – 1913. – Т. 18, Кн. 1. – С. 273–352.
  6. Кулакова Л. И. *Поэзия М. Н. Муравьева // Муравьев М. Н. Стихотворения*. – Л. : Сов. писатель, 1967. – С. 5–49.
  7. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. *Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры*. – М., 1994. – С. 60–75.
  8. *Муравьев М. Н. Полное собрание сочинений*. – СПб, 1819. – Ч. I. – 383 с.
  9. *Муравьев М. Н. Полное собрание сочинений*. – СПб, 1820. – Ч. III. – 325 с.
  10. *Муравьев М. Н. Стихотворения*. – Л. : Наука, 1967. – 386 с.
  11. Пыпин А. Н. *Общественное движение в России при Александре I*. – СПб. : Акад. Проект. 2001. – 556 с.
  12. Топоров В. Н. *Из истории русской литературы*. – Т. II: *Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I*. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 912 с.
  13. Успенский Н. Д. *Соборность церкви // Журнал Московской Патриархии*. – 1959. – № 7. – С. 45–51.
  - [Электронный ресурс] / svjashh. Aleksandr (Shmeman). – 2015. – URL: <http://www.zavet.ru/kalendar/vp/s1pnd-001pr.htm>. Dostup svobodnyj. Data obrashhenija 07.05.17.
  2. Berdjaev N. A. *Filosofija svobody. Smysl tvorcestva*. – M. : Pravda, 1989. – 607 s.
  3. Vassian Rylo. *Poslanie na Ugru [Elektronnyj resurs]*. – 2015. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5070>, svobodnyj. Data obrashhenija 09.06.15.
  4. Vigel' F. F. *Vospominanija*. – M., 1866. – T. VI. – S. 100–115.
  5. Zhinkin N. M. N. *Murav'ev // Izv. Otd. russkogo jazyka i slovesnosti*. – 1913. – T. 18, Kn. 1. – S. 273–352.
  6. Kulakova L. I. *Pojezija M. N. Murav'eva // Murav'ev M. N. Stihotvoreniya*. – L. : Sov.pisatel', 1967. – S. 5–49.
  7. Lotman Ju. M., Uspenskij B. A. *Otvuki koncepcii «Moskva – Tretij Rim» v ideologii Petra Pervogo // Uspenskij B. A. Izbrannye trudy. T. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury*. – M., 1994. – S. 60–75.
  8. *Murav'ev M. N. Polnoe sobranie sochinenij*. – SPb, 1819. – Ch. I. – 383 s.
  9. *Murav'ev M. N. Polnoe sobranie sochinenij*. – SPb, 1820. – Ch. III. – 325 s.
  10. *Murav'ev M. N. Stihotvoreniya*. – L. : Nauka, 1967. – 386 s.
  11. Pypin A. N. *Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii pri Aleksandre I*. – SPb. : Akad. Proekt. 2001. – 556 s.
  12. Toporov V. N. *Iz istorii russkoj literatury*. – T. II: *Russkaja literatura vtoroj poloviny XVIII veka: Issledovaniya, materialy, publikacii. M. N. Murav'ov: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie. Kniga I*. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 2001. – 912 s.
  13. Uspenskij N. D. *Sobornost' cerkvi // Zhurnal Moskovskoj Patriarhii*. – 1959. – № 7. – S. 45–51.

Bibliograficheskij spisok

1. Aleksandr (Shmeman), svjashh. *Velikij pokazannyj kanon sv. Andreja Kritskogo*

© Паикуров А. Н.,
Темирбулатова А. Ш., 2017.

ПРОЗА ВРАЧЕЙ И О ВРАЧАХ КАК МАТЕРИАЛ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. Г. Фатеева

*Кандидат филологических наук
старший преподаватель
Волгоградский государственный
медицинский университет
г. Волгоград, Россия*

PROSE OF DOCTORS AND ABOUT DOCTORS AS A MATERIAL OF PHILOLOGICAL RESEARCH

J. G. Fateeva

*Candidate of Philological Sciences
senior lecturer
Volgograd State Medical University
Volgograd, Russia*

Abstract. The phenomenon of physicians' prose has been ascertained in contemporary literature. Practicing physicians often write about medicine. Fictions as the object of linguistic analysis are reviewed in this article. So medical prose can be attributed to the professional literature, as it depicts the world of medicine from within, draws attention to many professional problems. Medical prose is an attempt to overcome the stereotype of negative perception of the doctor's image. It often helps to make this humor, created through various ways and techniques. At the same time, medical prose has some peculiarities: for example, most of the works about the everyday life of a medical institution are short stories. Therefore, the author faces a difficult task: to transfer the maximum amount of information in a small volume. Linguistic ways to achieve this goal should be the subject of a study of linguistics.

Keywords: prose of physicians; linguistic analysis; cultural linguistic; flash fiction; literature genre; comic; occupational prose; penmanship; literary language; text; medical ethics.

Если случается, что сделанные наспех наброски собственных мыслей – врачебных наблюдений по прошествии времени гладко и объективно ложатся на чистый лист, рождается нечто особенное – врачебная проза.

Анна Сальникова

Современная литература, на наш взгляд, как нельзя лучше иллюстрирует все процессы, происходящие в обществе. Так, устав от постмодер-

нистских интеллектуальных игр, читатель ищет других впечатлений: «...требование искренности, мечта об искренности, порыв к искренности вновь вырвались на поверхность литературных дискуссий, ...как альтернатива постмодернистскому (по своему происхождению) взгляду на словесное искусство как на род «игры в бисер», когда чтение превращается в трудоемкую дешифровку тех или иных культурных кодов»

[7]. Попытка же найти, сохранить человечность и индивидуальность в эпоху глобализации отразилась в жанровом и стилистическом разнообразии художественных произведений, потому давно неактуальным стало деление литературы на элитарную и массовую.

Полагаем, в таком случае авторам труднее найти «свое место» в современной литературе, а читателю труднее отыскать «свое» направление. Положительной тенденцией развития современной литературы, как полагает В. И. Гусев, является тот факт, что «...профессиональная художественная проза ... встает в контекст мирового литературного процесса;... ситуация эта все усиливается...» [1, с. 30].

Однако, термин «профессиональная литература» можно понимать по-разному. Так, это могут быть произведения, написанные профессиональными писателями. Но современная ситуация такова, что в России не существует учебных заведений, где готовили бы писателей, соответственно, второе значение термина «профессиональная литература» – это литература одной профессии. В этом случае профессиональная литература отчасти становится синонимом термина «производственная литература» (производственная проза).

Безусловно, производственная проза существовала и раньше, однако ее сюжеты в основном были связаны с промышленностью. Современная тенденция укрепления положения профессиональной литературы, многообразие возможностей для

творчества подарило нам, мы полагаем, один из интереснейших видов словесного творчества: произведения о медицине, авторами которых являются практикующие врачи.

Вместе с тем, трудно назвать произведение отечественной, да и зарубежной литературы, в котором не проявлялась в той или иной мере тема здоровья и болезни, а значит, и медицинская тематика. Интерес к человеку, к его здоровью, как важной стороне его жизни, проявляли ученые и писатели на протяжении многих веков: «болезнь, ужасы физического увядания, страдание и смерть всегда являлись сюжетной линией какой-либо жизненной драмы, их описание ... привлекали внимание романистов, поэтов и драматургов многие столетия. Художники и писатели всех эпох описывали различные болезни, способы постановки диагноза и лечения, изображали обстановку больниц, медицинские инструменты, создавали представление о санитарно-гигиенических условиях, обсуждали этико-деонтологические проблемы медицины, запечатлели образ врача в разных эпохах и отношение к нему со стороны общества» [5, с. 94]. При этом многие из авторов, обративших свое внимание на проблему здоровья-нездоровья человека, сами являлись представителями медицинских профессий. Так, со школьной скамьи нам известны имена писателей-врачей В. Вересаева, А. П. Чехова, М. А. Булгакова М. Н. Амосов и др.

Однако долгое время жизнь медицины оставалась за пределами пристального внимания писателей, и

только в последнее время интерес к медицинской теме и вопросам здоровья возрос: на экраны начали выходить многочисленные научно-популярные передачи, сериалы о врачах и больницах занимают значительную часть эфира; средства массовой информации пестрят медицинскими заголовками. Однако, по мнению современных исследователей, большая часть печатной информации о медицине «имеет негативный оттенок, обвинительный. Критический характер, прямые обвинения в адрес медицинского персонала разного уровня, санитарно-гигиенического состояния лечебно-профилактических учреждений и т. д. представлены очень широко». Положительная или нейтральная информация встречается в средствах массовой информации значительно реже [6, с. 49].

Возвращаясь к профессиональной прозе, напомним, что в современной литературе наметилась тенденция к увеличению количества пишущих (практикующих или оставивших это поприще) врачей: Д. Цепов, М. Малявин, В. Найдин, Т. Соломатина, А. Буров, Л. Шляхов и т.д. Однако, несмотря на то, что литература о медицине и медицинских работниках занимает значительное место в литературном процессе, основательного лингвистического изучения данного феномена не осуществляют.

В этом случае все произведения, авторы которых имеют (или имели) непосредственное отношение к медицинской профессии, можно условно разделить на два вида: рас-

сказы, так сказать, с места происшествия и художественные произведения с полностью или частично вымышленным сюжетом. Отметим, что в последнюю группу входят произведения, созданные, как правило, в жанре романа, в котором присутствуют некоторые реалии медицинской профессии (главный герой – врач, все перипетии его личной или профессиональной жизни, так или иначе, разворачиваются на фоне будней лечебного учреждения). Соответственно, языковой материал таких произведений подвергался более критическому отбору и более тщательной обработке, язык такого произведения максимально нормирован, лишен разговорности. Подобными произведениями представлено творчество Л. Шляхова, И. Степановской, Н. Никольской, некоторые произведения Т. Соломатиной.

К первой группе относятся «истории» о реальных событиях, свидетелями которых являлись авторы или их коллеги. Ведущим жанром здесь является жанр короткого рассказа, который нередко определяется самими авторами как «записки» (А. Ульянов, М. Малявин), «дневники» (А. Крыласов), «байки» (Т. Соломатина, Д. Цепов). В них перед читателем предстает «изнанка» мира лечебных учреждений, мир странный, перевернутый, сродни антимиру средневековой древнерусской пародии. Однако, если в древнерусской литературе «в этом изнаночном, перевернутом мире человек изымается из всех стабильных форм его окружения, переносится в

подчеркнуто нереальную среду» [3, с. 12], тем самым создавая комический эффект, то современный врач в этой «нереальной среде» существует. Также, в средневековой литературе «небылицы»... «перевертывают», ...даже не те произведения и не те жанры, у которых берут их форму (челобитные, судные дела, росписи о приданом, путники и проч.), а самый мир, действительность и создают некую «небыль», чепуху, изнаночный мир», в котором ...нарочито подчеркиваются его нереальность, непредставимость, нелогичность» [3, с. 12]. Современные же произведения врачей рисуют мир, ненормальный для большинства, но вполне реальный для профессионалов-медиков.

Изучение врачебной прозы представляет несомненный интерес для изучения учеными-лингвистами. Однако, приступая к анализу художественного творчества медицинских работников, следует отметить, что до недавнего времени приоритетным считалось изучение стиля отдельного писателя. Подобные исследования долгое время были прерогативой «только лишь литературоведческой стилистики» [4, с. 663]. Позднее, когда к исследованию художественной литературы подключились лингвисты, стали использовать термины «язык художественной литературы», «поэтический язык» Таким образом, этот вид языка воспринимается как самостоятельная языковая система со своим описанием, специфическими задачами. При этом «эти проблемы и задачи требуют особого внимания, специальных методов исследования,

разработанной теории и т. д.» [4, с. 665].

К сожалению, стилистика и лингвистика часто «обходят» своим вниманием феномен языка художественной литературы вообще, отдавая предпочтение языку отдельных авторов. Однако медицинская художественная проза, на наш взгляд, дает материал для понимания языковой картины мира врача и предоставляет интересный материал для лингвистического и лингвокультурологического анализа. При этом объектом лингвистического анализа является текст.

Бесспорно, текст художественного произведения давно стал самостоятельным объектом не только литературоведческого, но и лингвистического исследования. В результате современная наука о языке выделяет структурный, коммуникативный и лингвокультурологический подходы к исследованию текста. Однако в науке о языке до сих пор существуют разногласия. Так, например, нет единого мнения о понимании текста: некоторые ученые полагают, что текст – это явление языка, другие – речи.

Наиболее близкой нам представляется понимание текста стилистикой. Так, с позиций данной науки текст: 1) это результат, а не процесс речи, обычно зафиксированный в письменной форме, 2) это интенциональное произведение автора, обращенное к адресату, 3) имеет разнообразную жанровую принадлежность, 4) существуют фундаментальные характеристики, свойственные всем текстам, – текстовые категории. В результате наличие

общих черт у всех текстов привело к возникновению лингвистики текста как особой области языкознания. Вместе с тем немаловажную роль в лингвистическом изучении художественного произведения играет его жанровая принадлежность, т. к. нередко жанр «диктует» стилистические приемы, «рекомендует» лексические единицы и синтаксические особенности будущего текста.

Вместе с тем, лингвистика текста (в отличие от стилистики) воспринимает текст как процесс, поэтому «возникает необходимость учета обстоятельств общения и характеристик коммуникантов, т. е. требуется переход к коммуникативной модели представления текста» [2, с. 53]. В таком случае при анализе текста «на первый план выходят вопросы, связанные с порождением и пониманием текста, с диалогической природой общения», а объектом исследования становятся не построенные в соответствии с канонами языка тексты, а текстовые стратегии во всем разнообразии их воплощений.

Перспективным с этой точки зрения, мы полагаем, являются произведения, написанные профессиональными врачами «по мотивам» их профессиональной деятельности: малый объем таких рассказов ставит перед автором трудную задачу, так как предполагает тщательный отбор речевых средств для достижения поставленной цели. Защищаясь от ежедневного стресса медицинской реальности, авторы врачебной прозы нередко создают комические произведения. Безусловно, меди-

цинская художественная проза имеет свои способы создания комического. Так, например, один из способов создания комического в текстах о медицине и медработниках – эффект обманутого ожидания, который создается нередко с помощью нарушения коммуникативных стратегий. Отметим, что шутка может возникнуть на любом этапе профессиональной коммуникации врача и пациента. К примеру, на этапе рекомендаций и / или лечения между врачом и пациентом коммуникативные помехи, способные привести к комичности, могут возникать как результат нарушения коммуникативного взаимодействия сторон диалога. Подобные ситуации встречаем в произведениях практически каждого писателя-врача. Показательными в этой точки зрения, на наш взгляд, являются диалоги между врачом-акушером и пациентками Т. Соломатиной. Нередко комические диалоги встречаются и в творчестве Д. Цепова.

Специфика медицинского юмора может быть изучена и на примерах произведений А. Бурова, А. Смирнова, А. Ульянова и многих других писателей-врачей. При этом каждый автор имеет свой, неповторимый стиль, свои излюбленные стилистические и лингвистические приемы создания комического.

Итак, литература о врачах и медицинских работниках может быть источником сведений о медицинской реальности, к которой возможно приобщиться через слово. Произведения врачей дают возможность стать если не участником медицин-

ской деятельности, то свидетелем. Одновременно с этим анализ языковой картины мира врача поможет читателю понять и, тем самым, оптимизировать сложный процесс взаимодействия с медицинскими работниками.

Библиографический список

1. Гусев В. И. Искусство прозы: статьи о главном. – СПб. : Изд-во ЛГУ, 1999. – 157 с.
2. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
3. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. – Л. : Наука, 1984. – 298 с.
4. Матенов Р. Б. Стиль художественной литературы в аспекте лингвистической и литературоведческой стилистики // Молодой ученый. – 2014. – № 19. – С. 663–665.
5. Медведева Л. М. Болезнь в культуре и культура болезни : монография. – Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2014. – 252 с.
6. Овсянникова Т. В. Российские средства массовой информации о медицине и врачах // Гуманитарное образование и медицина : сб. науч. Трудов. – Т. 62, вып. 3. – Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2005. – С. 49.
7. Чупринин С. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям. – М. : Время, 2007. – 768 с. URL: http://www.e-read-ing.club/chapter.php/101082/125/Chuprinin_-

[_Russkaya_literatura_segodnya._Zhizn%27_po_ponyatijam.html](http://www.e-read-ing.club/chapter.php/101082/125/Chuprinin_-) (дата обращения: 27.05.2017).

Bibliograficheskiy spisok

1. Gusev V. I. Iskusstvo prozy: stat'i o glavnom. – SPb. : Izd-vo LGU, 1999. – 157 s.
2. Karasik V. I. Jazyk social'nogo statusa. – M. : ITD GK «Gnozis», 2002. – 333 s.
3. Lihachev D. S., Panchenko A. M., Pomyrko N. V. Smeh v Drevnej Rusi. – L. : Nauka, 1984. – 298 s.
4. Matenov R. B. Stil' hudozhestvennoj literatury v aspekte lingvisticheskoj i literaturovedcheskoj stilistiki // Molodoy uchenyj. – 2014. – № 19. – S. 663–665.
5. Medvedeva L. M. Bolezn' v kul'ture i kul'tura bolezni : monografija. – Volgograd : Izd-vo VolgGMU, 2014. – 252 s.
6. Ovsjannikova T. V. Rossijskie sredstva massovoj informacii o medicine i vrachah // Gumanitarnoe obrazovanie i medicina : sb. nauch. Trudov. – T. 62, vyp. 3. – Volgograd: Izd-vo VolGMU, 2005. – S. 49.
7. Chuprinin S. Russkaja literatura segodnja. Zhizn' po ponjatijam. – M. : Vremja, 2007. – 768 s. URL: http://www.e-read-ing.club/chapter.php/101082/125/Chuprinin_-
[_Russkaya_literatura_segodnya._Zhizn%27_po_ponyatijam.html](http://www.e-read-ing.club/chapter.php/101082/125/Chuprinin_-) (data obrashhenija: 27.05.2017).

© Фатеева Ю. Г., 2017.

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.24045/fv.2017.2.12

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ИНТЕРЕСА
В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

Г. М. Нуруллина

*Кандидат педагогических наук, доцент
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

**DISCUSSION ABOUT THE ROLE
OF INTEREST IN LEARNING THE RUSSIAN**

G. M. Nurullina

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Tatarstan, Russia*

Abstract. The article discusses the nature and role of interest in learning the Russian language. In the present work the interest is considered as an important methodological technique, which makes the success of educational activity, contributes to the strength of the learning and success of their practice. The author focuses on the fact that the study of the realities of culture, indicating a Russian folk games that motivate students to acquire new knowledge, the extension of the objective world in which man lives. The lessons of Russian language students, studying the realities of Russian culture, conduct basic work on the study of non-equivalent vocabulary, consider the semantics and etymology of the word, as well as the implementation of the word in the artistic aspect.

Keywords: interest; folk game; learning Russian language; methodological aspect; Russian culture; non-equivalent vocabulary.

Вопросы повышения качества обучения учащихся и повышения эффективности процесса преподавания с истории возрождения методической науки и по сей день являются важной задачей в современной методике. Задача учителя русского

языка заключается в создании условий для продуктивной деятельности учащихся, развития их познавательной активности и творческих способностей [3].

В современной методической науке актуальным остается вопрос о

сущности и роли интереса как мощного стимула обучения, как эффективного средства активизации познавательной деятельности учащихся, позволяющее учителю сделать процесс овладения знаниями, умениями и навыками более целенаправленными, продуктивными и в то же время более привлекательными. Интерес делает более успешной учебную деятельность, способствует преодолению формализма в знаниях, глубине и прочности их усвоения, успешности применения знаний на практике, побуждает учащихся к самостоятельному их добыванию.

Идея воспитания у детей интереса к знаниям, как необходимого мотива учения и эффективного средства успешного обучения, возникла давно, получив заметное отражение в прогрессивной педагогике прошлого. Так, великий русский педагог К. Д. Ушинский, рассматривавший учение как серьезный труд, считал, что «учение, лишённое всякого интереса и взятое только силою принуждения, убивает в ученике охоту к учению, без которой он далеко не уйдёт...» [6, с. 429]. К проблеме изучения, учета и развития интересов школьников нередко обращалась Н. К. Крупская, которая советовала уметь так отбирать материал, чтобы он заинтересовал учеников, находить такую форму легко усвояемыми, интересными, понятными, близкими учащемуся» [1, с. 235].

Интерес представляет собой своеобразный сплав интеллектуальных, эмоциональных и волевых процессов. Ядро интереса состав-

ляют познавательный и эмоциональный компоненты, тесно взаимосвязанные и взаимообусловленные. Привлекательностью объекта и осуществляемой для его познания деятельностью определяется такой существенный признак интереса, как его избирательность. Интерес всегда имеет ту или иную предметную направленность. Несмотря на многообразие предметов и явлений окружающего мира, являющегося, источником самых разных интересов человека, «в интересе каждой личности избирательно отражается именно то, что значимо, важно, ценно для самой личности, что связано с ее индивидуальным опытом и развитием» [7; 8].

На уроках русского языка нередко изучение безэквивалентной лексики вызывает интерес у учащихся. Школьники знакомятся с лингвокультурологическим описанием реалии, рассматривают эту реалию в контексте вербальных артефактов и в контексте художественных произведений, иногда сопоставляют с реалиями других культур, другого языка.

Основная цель на уроках русского языка – это погружение в мир русского языка и русской культуры, осознание языка как феномена культуры, культурно-исторической среды, воплощающей в себе историю, культуру, обычаи русского народа [2]. Так, особый интерес у детей представляют собой реалии, обозначающие русские народные игры и народные игрушки. Например, сюда относятся такие названия игр, как «Лапта», «Хоровод», «Жмурки», «Городки», «Горелки» и др.

На уроках русского языка ученики, проводя словарную работу по изучению реалий, рассматривают семантику слова, его этимологию, описание в лингвокультурологическом словаре [4].

Например, «Горелки» – русская народная игра. В словаре русского языка С. И. Ожегова находим описание: «Горелки – это русская народная игра, в которой один из участников ловит других, убегающих от него поочередно парами» [5].

Слово *горелки* восходит к глаголу «гореть», причем изначально, видимо, в значении «любить, страдать от любви», характерном для народной поэзии: «Не огонь горит, не смола кипит, а горит-кипит рети-во сердце по красной девице...». В разных областях встречаются иные названия горелок: разлуки, разгары, огарыши, огорельш, опрел, гори-дуб и гори-пень. Горелки изначально не были детской игрой: в неё играли девушки и холостые молодые мужчины. Водящим всегда выбирался парень, и ловить он мог только девушку, так что игра давала возможность знакомиться, общаться, выбирать невесту. О такой функции игры идет речь в «Повести временных лет»: «Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бесовская игрища, и ту умыковаху жены себе».

Возникновение горелок связывают с языческими праздниками и обрядами: встречей весны, «когда славилась богиня Лада, покровительница браков и чадородия, когда самая природа вступает в свой благодатный союз с богом-

громовником и земля принимается за свой род», или с праздником Ярилы или Ивана Купалы – днем летнего солнцестояния. В горелки играли на праздниках и гуляньях, когда собиралось много народу. В настоящее время горелки считаются исключительно детской игрой.

В эту игру раньше на Руси ребята играли ранней весной, когда начинал сходить первый снежок. Они всей гурьбой вываливали на улицу в горелки играть. Так по простому называли эту игру: «Как весна идёт, вся земля гудёт. // Как весна пришла, вся земля расцвела. // Весна! Весна! Красным-красна! // Ты погляди туда-сюда! // А это что за голоса? Играет детвора!». Для игры в горелки выбирали ведущего – «горящего». Конечно же без помощи считалок здесь не обходилось. «Горящий» вставал и, устремив взор на небо, пел: «Гори, гори ясно, // Чтобы не погасло. // Раз, два, смело, // Глянь на небо – // Звёзды горят, // Журавли кричат: // «Гу-гу-гу, убегу! // Гу-гу-гу, убегу!»

Таким образом, изучение реалий культуры, обозначающих русские народные игры, мотивирует учащихся к приобретению новых знаний, расширению предметного мира, в котором живет человек. На основе интереса к учебной деятельности у школьников формируется постоянное стремление к познанию нового в определенном учебном предмете, тенденция углубляться в сущность познаваемого.

По своей природе интерес не является врожденным свойством личности, он возникает не сам по себе,

а обусловлен воздействием на человека окружающей действительности, то есть носит социальный характер. Психологи и педагоги рассматривают интерес во взаимодействии с мотивами обучения как сложную систему, в которой огромную роль играют социальные мотивы: осознание детьми учения как органической части общенародного дела строительства общества.

Библиографический список

1. Крупская Н. К. Какой нам нужен учебник. Пед. соч. в 6-ти т. – Т. 4. – М. : Просвещение, 1979.
2. Нуруллина Г. М. Словарная работа на уроках русского языка («Живое» слово как отражение языковой картины мира) // Русский язык в школе. – № 11. – 2015. – С. 27–30.
3. Нуруллина Г. М. Технология модерации как один из методов развития мотивированности у учащихся на уроках русского языка // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. – Т. 2. – С. 231–237.
4. Русское слово – русский мир: Лингвокультурологический словарь-минимум / под ред. Л. Г. Саяховой. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. – 202 с.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <http://ozhegov-online.ru/> (дата обращения 29.04.2017)
6. Ушинский К. Д. Материалы к 3-му тому «Педагогической антропологии» // Собр. соч. М.-Л.: Изд-по АПН РСФСР, 1950. – Т. 10. – С. 4252.
7. Щукина Г. И. Проблема познавательного интереса в педагогике. – М. : Педагогика, 1971. – 352 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Krupskaja N. K. Kakoj nam nuzhen uchebnik. Ped. soch. v 6-ti t. – Т. 4. – М. : Prosveshhenie, 1979.
2. Nurullina G. M. Slovarnaja rabota na urokah russkogo jazyka («Zhivoe» slovo kak otrazhenie jazykovoj kartiny mira) // Russkij jazyk v shkole. – № 11. – 2015. – S. 27–30.
3. Nurullina G. M. Tehnologija moderacii kak odin iz metodov razvitiya motivirovannosti u uchashhihsja na urokah russkogo jazyka // Nauchnoe nasledie V. A. Bogorodickogo i sovremennij vektor issledovanij Kazanskoj lingvisticheskoj shkoly: tr. i mater. mezhdunar. konf. – Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2016. – Т. 2. – S. 231–237.
4. Russkoe slovo – russkij mir: Lingvokul'turologicheskiy slovar'-minimum / pod red. L. G. Sajahovoj. – Ufa : RIC BashGU, 2010. – 202 s.
5. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. S. I. Ozhegova [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ozhegov-online.ru/> (data obrashhenija 29.04.2017)
6. Ushinskij K. D. Materialy k 3-mu tomu «Pedagogicheskoj antropologii» // Sobr. soch. M.-L.: Izd-po APN RSFSR, 1950. – Т. 10. – S. 4252.
7. Shhukina G. I. Problema poznavatel'nogo interesa v pedagogike. – М. : Pedagogika, 1971. – 352 s.

© Нуруллина Г. М., 2017.

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in English (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliography comes after the text as a numbered list, in alphabetical

order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for example: FV-German P. The payment confirmation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example FV-German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proof-read and edited.

Information about the authors

Family name, first name

Title, specialization

Place of employment

Position

ORCID

Contact address (with postal code)

Mobile phone number

E-mail

The required number of printed copies

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: sociosfera@seznam.cz. Каждая статья должна иметь УДК. Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном по-

рядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 4–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитываются при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид ФЗ-ФИО, например: ФЗ-Петров ИВ или FV-German P. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

ORCID (если есть)

Домашний адрес с индексом

Сотовый телефон

E-mail

Необходимое количество печатных экземпляров

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2017 ГОДУ**

Дата	Название
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,687, • Scientific Indexing Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • РИНЦ – 0,279
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexing Services – 1,04,
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,832
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,725
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,75
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • CrossRef (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexing Services – 0,742

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- *doi* assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России

(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

FILOLOGICKÉ VĚDOMOSTI

Vědecký a praktický časopis

№ 2, 2017

Čtvrtletní

Šéfredaktorka – **Irina S. Karabulatova**

Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.

Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.

Redaktorka – I. G. Balašova
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 28.06.2017. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 8,7
100 kopií.

VYDAVATEL:

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
IČO 29133947
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +4206773177857,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz